

Андрей
БАДИН

Терминатор и Дюймовочка

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Русский бестселлер

Андрей Бадин

Терминатор и Дюймовочка

«Автор»

2003

Бадин А. А.

Терминатор и Дюймовочка / А. А. Бадин — «Автор»,
2003 — (Русский бестселлер)

ISBN 5-699-03349-1

Лехе Коновалову крутизны не занимать, за плечами школа риска – спецназ. Вот Леха и рискует: ради спасения дочери друга он похищает другую девочку – дочь крупного финансового воротилы. Расчет прост: выкуп за нее пойдет на лечение дочери друга. А в итоге на друзей наезжают люди из агентства «Крутые кулаки», а с ними шутки плохи. Пока Лехе удастся держать оборону, но проблем – выше крыши. Внезапно в дело вмешивается... похищенная девочка и опустошает папочкин сейф. И это еще не последний сюрприз, который ожидает Леху.

ISBN 5-699-03349-1

© Бадин А. А., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Бадин

Терминатор и Дюймовочка

Глава 1

На дворе стоял жаркий августовский день. Он донимал горожан вонью помоек, укусами слепней и мух, липким соленым потом и удушливым надоедливый пухом. Именно в этот день, ровно в полдень, в московский двор, что на Сретенке, въехали старые обшарпанные, можно сказать, «убитые» «Жигули» первой модели. У тех изумленных прохожих, которые видели их, вставал немой вопрос в глазах: «Как они вообще смогли доехать до этого двора?»

Но, несмотря на свою убогость, машина ехала и везла в себе двух мужчин. Первый, сидевший за рулем, был необычайной ширины атлет-качок, угрюмый и злой. Он обладал силой медведя и наводил ужас на людей, с ним незнакомых. Те же, кто хоть немного его знал, были уверены, что этот амбал, несмотря на свою грозную внешность, добродушный увалень.

Его друг, расположившийся на переднем сиденье, был худым, тщедушным и к тому же абсолютно лысым. У него на голове с детства не проросло ни одной волосины, хотя брови кое-как прорезались и украшали его непривлекательное лицо.

Амбала звали Алексей Коновалов, а его безволосого друга Виктор Демин. Одеты они были в джинсы с лэйблами «Рэнглер» турецкого производства, китайские кроссовки и недорогие футболки – все с дешевого вещевого рынка. Причем на Демине одежда висела, как мешок на вешалке, а на Коновалове трещала по швам.

«Жигули», демонстрируя ржавые дыры в бортах, остановились у помойки, при этом издав звук, похожий на предсмертный крик раненой птицы. На самом деле это был банальный скрип неисправных тормозов.

Парни внимательно осмотрели двор и устремили свои взоры на детскую площадку, туда, где играли маленькие мальчики и девочки.

– Вон она, – ехидно сказал Витек и протер загорелую лысину год не стиранным носовым платком. Затем сморкнулся в него, свернул вчетверо и аккуратно засунул в задний карман джинсов.

– Точно она? – Леха подозрительно взглянул на друга.

– Без сомнения. Вон и ее телохранитель сидит в тенечке, на скамеечке. Он хилей тебя, так что ты его в два счета уделаешь.

– Слушай, Дема, может, бросим это дело, уедем отсюда, и баста?

– Нет, раз мы сюда приехали, доведем намеченное до конца. Я, во всяком случае, от своего не отступлюсь, у меня выхода другого нет.

– Ну ладно, – пробубнил чудо-богатырь Леша, – куда ты, туда и я. Ты ведь без меня не справишься.

– Естественно.

Парни вынули из «бардачка» заранее приготовленные черные чулки с прорезами для рта и глаз. Демину чулок моментально налез на его скользкую, лоснящуюся от пота лысину, а вот Коновалову пришлось потрудиться. Башка у него была большая, с топорщащимся ежиком коротко стриженных волос и с ходу чулку не поддалась. Потребовалась минута, чтобы нахлобучить маску и прикрыть от чужих глаз красное толстое лицо.

С тонкими кожаными перчатками было еще сложнее. Если Демин надел их без труда, то ладони Коновалова, размером в суповую тарелку, в них не лезли. И это несмотря на то что купили их самого большого размера.

– Надо было боксерские приобрести, – съязвил Витя, – а то эти хиловатые.

Коновалов коротко огрызнулся.

Наконец черная кожа плотно обтянула пальцы и жалобно захрустела, предвещая скорый разрыв.

– Пора, – сказал Витя и вопросительно взглянул на друга.

Коновалов был бесшабашным веселым парнем, и, когда Витек решил взять в заложницы дочку богатого предпринимателя, амбал с радостью согласился ему помочь. Теперь они вдвоем, в меру замаскированные, сидели в развалюхе и готовились к захвату. Ждали удобного момента для нападения и немного дрейфили. Они не были суперменами, ковбоями, ниндзями и даже обычными братками, а просто решили поиграть в них по большой нужде.

Они, как им казалось, хорошо подготовились к операции. Но основная ее трудность состояла в том, что за Катей, десятилетней дочерью миллионера Альфреда Репутатского, неотступно следовал вооруженный охранник. Он был высоченным качком-зубодробильщиком, владел приемами рукопашного боя, под мышкой у него висела кобура, а в ней покоился вороненый «макаров».

Друзья смотрели на его разбитые в многочасовых тренировках кулаки, на его стрижку под бобрик, на узкий лоб, тяжелые надбровные дуги и массивную, чуть выпяченную вперед нижнюю челюсть. Телохранитель лицом напоминал питекантропа, и даже в его переваливающейся с боку на бок матросской походке было что-то от гориллы. Разве что не угугукал, не колотил кулаками в грудь и не скакал впрыскалку вокруг песочницы. Да и шерсти на нем не было. Кстати, одет он был довольно прилично, не то что друзья в «Жигулях». На нем был элегантный, в тысячу долларов, белый костюм с лэйблами от Версаче, хотя на самом деле польский, модные ботинки, белые носки и белая рубаша. Звали телохранителя Григорий Дуболомов, кличка Дуб и его внешность полностью соответствовали друг другу. Дуб он и в Африке дуб, не раз говаривал отец Кати Альфред Репутатский.

Гриша работал в охранным агентстве «Крутые кулаки» и был приставлен к дочери миллионера. Ему платили хорошую, в тысячу американских долларов зарплату, за совсем непыльную, спокойную работу – опеку маленькой Катеньки.

Сама Катя играла тут же, в песочнице, и гоняла радиоуправляемую модель танка по построенным для этой цели барханам. На ней были красивые, но дешевые, небесного цвета джинсы, белая футболка «Адидас», кроссовки и красная бейсболка. В руках был пульт управления танком, и она лихо крутила джойстик, заставляя модель утюжить искусственные препятствия.

Катя в очередной раз повернула руль, и танк на полной скорости врезался в высокую песчаную пирамиду. Гора обрушилась на башню и завалила игрушку полностью. Но через мгновение танк вынырнул с другой стороны, лихо развернулся, вскарабкался на покоренную вершину и остановился.

– А! – закричала от восторга Катя. Ей понравился победный марш машины, и радости ребенка не было предела.

Несколько мальчишек и девчонок с восторгом наблюдали за маневрами игрушки, и им не терпелось попробовать поуправлять ею. Но Катя пока не наигралась и отдавать бразды правления танком в чужие руки не собиралась. А ребяташки безропотно ждали, когда она соблаговолит дать им прикоснуться к заветным рычажкам.

Кате Репутатской лишь недавно исполнилось десять лет, и она была веселой, доброй, сообразительной девочкой. В школе училась только на «отлично», то ли от ее недюжинных умственных способностей, то ли от того, что ее богатый папа щедро платил учителям.

– А как же иначе, – хвастался он перед своими небедными друзьями. – Моя единственная дочь должна учиться только на «отлично». И вообще все у нее должно быть только на «отлично».

Но это были только слова. На все, что касалось его имиджа преуспевающего бизнесмена, Альфред Репутатский денег не жалел, чего нельзя было сказать о Кате. На ее одежде, игрушках, питании он экономил как мог. Единственный раз купил ей на день рождения хорошую игрушку – танк, и то в комиссионке по сниженной цене.

Катя была крупнее своих сверстниц, более развитая и намного более озорная. Она была пацаном в юбке, ее привлекали не куклы, а технические игрушки типа танков, самолетов и машин, и она любила играть в войну.

Она уже два года занималась в балетной студии и во сне видела себя танцующей на сцене Большого театра, в лучах софитов и под бурные аплодисменты почитателей. Ее походка была абсолютно балетная – с прямой спиной, вытянутой тоненькой шеей и разведенными в стороны, в третью позицию, ступнями. Она не шла, а плыла по улице, как лебедушка по водной глади, держала осанку и задирала нос кверху. Но высокомерной или надменной не была, просто пижонила, показывая окружающим свою причастность к великому искусству.

Да и то сказать, у станка она трудилась до седьмого пота, беспрекословно выполняла все указания балетмейстера, безропотно проглатывала окрики, понукания и замечания и была самой прилежной ученицей. Она хорошо танцевала, и из нее могла вырасти первоклассная балерина.

У нее были милые, приятные черты лица: курносый нос, озорные карие глазки, тонкие, похожие на взмах птичьего крыла брови и красивые, кокетливые губки. Да, милый ребенок Катя обещал вырасти в смазливую девицу. Она была худенькая, длинноногая, длиннорукая и длинношеяя, как все дети в этом возрасте, и когда надевала джинсы, футболку, кроссовки, когда закалывала в пучок русые, средней длины волосы, то становилась похожа на пацана. У нее и прозвище было во дворе – Репа. Кстати, у ее крутого папаши тоже было погоняло Репа, но только среди таких же, как он, крутых.

Катя играла в песочнице, а Коновалов с Деминым напряженно следили за каждым ее движением.

– Приготовься, – сказал Леха. – Как только телохранитель хоть на секунду отвернется, мы выскакиваем, подбегаем и вырубам его на месте. Вернее, я его выключаю, а ты хватай девчонку и волоки в машину.

– Смотри не опоздай, а то он тебя в решето превратит из своего пистолета, – забеспокоился Демин.

– Постараюсь, умирать совсем не хочется.

Томительное ожидание длилось несколько минут, а охранник, сидел на лавке и тупо смотрел на Катю. Коновалову казалось, что он даже не мигает.

– Когда же он отвернется, зевнет или пописать пойдет? – возмущался Витя. – Нельзя же так окаменело сидеть, для здоровья вредно.

Вдруг на нижней ветке дерева, прямо над скамейкой, пронзительно каркнула чем-то рассерженная ворона, и большой шматок зеленого, зловонного помета полетел вниз и плюхнулся на плечо белоснежного пиджака охранника. Видимо, птица склевала что-то недоброкачественное на соседней помойке и от этого ее прохватило понос.

Гриня вздрогнул от неожиданности, перевел взгляд на кашку, затем вверх – на ворону, и его глаза вдруг начали наливаться кровью. Он открыл рот и хотел гаркнуть что-то матерное, но ворона вновь задрала хвост, поднатужилась, и у нее из задней части опять брызнула мерзкая струя. Гриня рот закрыть не успел, и эти вороны отбросы залетели ему глубоко в горло. Взбешенный телохранитель покраснел как сваренный рак, вскочил со скамейки и разразился нестерпимым кашлем. Видимо, сильно поперхнулся пометом. Удовлетворенная своей меткостью птица довольно каркнула, расправила крылья, подпрыгнула и полетела над двором.

Горилловидный телок и кашлял, как горилла – громко и надсадно, с каким-то звериным рыком и распугал воробьев вокруг песочницы. Он не смог сразу выплюнуть весь помет, и большую его часть пришлось проглотить. Теперь он отплевывался и чертыхался, матерился и рычал как зверь, проклиная всех пернатых, сволочную работу, дурака-хозяина и то, что живет не в Китае.

Наконец он откашлялся, осмотрелся и заметил ворону на козырьке подъезда соседнего дома. Гриня заревел, как тигр, схватил обломок кирпича и ринулся в атаку. На бегу размахнулся и что было силы метнул камень в птицу, но попал не в нее, а в окно квартиры на втором этаже. Стекло со звоном рухнуло, а кирпич упал на кухонный стол, где обедала престарелая парочка. Он разбил дешевый чайный сервиз и опрокинул кружку пива. Старики испугались, от неожиданности повскакивали со своих мест и бросились к окну. Когда же они увидели рослого детину, от злости размахивающего ручищами, то решили стерпеть и в перебранку с ним не вступать.

– Да это охранник миллионера Репы развлекается, – испуганно сказал дед и сел за стол. – Пусть хоть все стекла побьет, я с ним ссориться не собираюсь.

– Трус, – прошамкала старуха и начала собирать со стола осколки тарелок и чашек.

Дуб немного остыл от первого приступа ярости и решил больше кирпичи не швырять. Достал носовой платок и стал аккуратно стирать помет со своего пиджака. Катенька и другие дети всплеска его злости не заметили и продолжали играть на площадке.

– Пора, – прошептал Коновалов и поправил пропитавшуюся потом маску на голове.

– Пора, – вторил ему Демин.

Они молниеносно открыли двери и кинулись вон из машины.

Леха рванулся к застывшему у подъезда телохранителю, а Витек – к дочери миллионера.

Дуб не заметил их атаки и продолжал размазывать кашку по белой ткани костюма. Коновалов приблизился к нему и остановился сзади, не зная, нападать ему или подождать. Гриня стоял спиной к песочнице и не видел, как Демин подбежал к Катеньке, обхватил ее рукой за талию, приподнял и аккуратно понес к машине. При этом пульт управления танком выпал из ее пальцев.

– Ой, вы чего? – сказала девочка, напуганная видом черной зловещей маски. – Я свою игрушку забыла.

Обескураженный Витек остановился, обернулся и осмотрел детскую площадку. Детишки, обрадованные исчезновением хозяйки танка, выстроились в очередь и быстренько рассчитались на первый-второй, чтобы решить, кто и под каким номером будет управлять машиной.

– Бог с ним, – пробубнил Витек, – пусть дети играют, мы тебе новый купим. – Он повернулся и кинулся к развалюхе.

– Ну ладно, тогда несите, – согласилась Катя и для удобства схватилась руками за плечо Витьки.

Дуболомов стоял не шелохнувшись и все тер пятно на пиджаке, а Коновалов притаился за его спиной. Он все время оборачивался и поглядывал на действия Демина. Он видел, как тот схватил Катеньку в охапку и понес к авто, видел, как они остановились и о чем-то разговорились. Леха нервничал, мысленно поторапливал друга и надеялся, что захват пройдет без драки и кровопролития. Ему очень не хотелось ввязываться в бой с тренированным охранником, к тому же вооруженным пистолетом. Но события, как всегда, развиваются по закону подлости, и этот раз не был исключением.

Не успел Демин добежать до «Жигулей», как охранник невзначай повернул голову и бросил мимолетный тусклый взгляд на песочницу. Он хотел убедиться, на месте ли Катенька, но, не обнаружив ее, забеспокоился. Резко обернулся и уткнулся носом в черную маску Коновалова.

От неожиданности он вскрикнул, вскинул руки и выронил испачканный пометом носовой платок. Тот упал на асфальт, на лету измазав белые ботинки Гриши.

Коновалов не боялся драться, но он был миролюбивым человеком и не хотел доставлять людям боль.

– Стой и не двигайся, – гаркнул он охраннику, – и останешься цел.

Тот на мгновение опешил, но, увидев бегущего к машине парня в черной маске с Катей под мышкой, понял: это захват. Он представил себе, что с ним сделает его босс Герман Розовощеков, когда узнает, что он трусил и не защитил клиентку их фирмы.

На чашу весов легли две правды. Первая была в виде высокого, широкоплечего, накачанного парня в черной маске, преградившего ему путь. И с ним ему надо было вступить в бой. А вторая правда была в виде мести разъяренного босса.

Подумав долю секунды и не увидев в руках у широкоплечего никакого оружия, Гриша решил драться. Он сделал шаг назад, расстегнул пуговицу обкаканного пиджака, отдернул полу и быстро сунул руку себе под мышку. Как только пальцы дотронулись до рукоятки «макарова», он с облегчением выдохнул и почувствовал себя спокойней. Он видел, что противник не вооружен и у него в руках нет ни ножа, ни пистолета, ни даже палки. Гриня ведь не знал, что Леха Коновалов сам был смертельным оружием.

Алексей десять лет служил в отряде особого назначения «Гром» Главного разведывательного управления при Генеральном штабе и имел опыт разведывательных и диверсионных операций по всему миру. Он мог без оружия, голыми руками разделаться с тремя вооруженными тренированными бойцами. Правда, это было давно, десять лет назад, а за этот срок много воды утекло. Но Леха кое-что еще помнил и не испугался заплывшего жиром и раздутого от анаболиков горилловидного секьюрити.

Гриня выхватил пистолет, передернул затвор. Алексей Коновалов стоял в метре от него и с улыбкой наблюдал за его торопливыми действиями. Но Дуб сам себе казался великолепным. Он расставил ноги, обхватил пистолет обеими руками и, как супермен в крутых американских боевиках, направил ствол в лоб террористу.

– Лежать, руки за голову! – взвизгнул Дуб.

Алексей, недолго думая, резко ударил его по кисти, пистолет вылетел из хрустнувших пальцев, описал в воздухе дугу и шлепнулся в стоящий неподалеку мусорный контейнер.

Дуболомов не сразу понял, что остался без оружия, и обескураженно смотрел на свои пустые ладони. Когда до него дошло, что его пистолет лежит в мусорной куче вместе с арбузными корками, картофельной кожурой и мятыми молочными пакетами, его охватила ярость. Он заревел, как неизвестное науке животное, размахнулся увесистым, размером с помойное ведро кулаком и что было силы саданул, целясь Алексею в челюсть. Кулак понесся к цели, но Леха наклонил голову и увернулся. Телохранитель по инерции завалился вперед, а Коновалов сделал ему подножку. Гриня споткнулся, рыбкой долетел к помойке и врезался в нее головой. Грохот удара, как боксерский гонг, возвестил о безоговорочной досрочной победе Алексея Коновалова.

Дуболомов распластался возле мусорки без признаков жизни. Тогда Леха подошел к нему, одной рукой схватил за шиворот, другой между ног – за маленькие, мягенькие яички и сильно сжал их. От боли Дуб вскрикнул и пришел в себя. Леха, недолго думая, легко приподнял его и воткнул головой в помойный ящик. Теперь телохранитель и его пистолет лежали вместе – среди тухлых помидоров, порченной рыбы и гнилого мяса. Только пистолета видно не было, а ноги Дуба в белых брюках и белых ботинках торчали из бака как флаги о капитуляции.

Коновалов кинулся к машине, открыл дверцу и сел за руль. Витек и Катя уже расположились на заднем сиденье и нервно смотрели по сторонам.

– Ты чего так долго с этим хреном возился? – спросил Демин.

– У него член три сантиметра, – ответил Леха и нажал на газ.

Ржавые «Жигули» дернулись, проехали пять метров и остановились.

– Черт возьми, мотор заглох, – рявкнул Коновалов и начал судорожно поворачивать ключ зажигания.

– Быстрее, а то охранник уже в себя пришел и из помойки вылезает.

– Успеем, – прорычал Леха.

– Он сейчас очухается, найдет свой пистолет и начнет по нас палить, – нервничал Витя.
– Вот здорово, попадем в криминальную хронику сегодняшнего дня! Нас по телеку покажут, – обрадовалась Катя.

– Наши изрешеченные пулями трупы по телеку покажут, – запсиховал Демин. – Мало ты ему, Леха, врезал, он уже очнулся.

– Да я его вообще не бил, только в ящик воткнул, как черенок в землю.

– Слабо воткнул.

Тем временем Дуб пришел в себя и с огромным трудом попытался выкарабкаться из зловонной помойки. Бак, похоже, давно не убирали, видимо, дворник запил, и на дне, в протухшей чавкающей жиже завелись жирные белые опарыши. Пока голова Дуба была в жиже, они заползли в рот, нос и уши. Более гнусного возмездия за нерасторопность охранник получить не мог.

Он кое-как перевернулся и встал на ноги. Его некогда белый костюм намок и превратился в серо-буро-малиновый. Арбузная кожа и семечки прилипли к нему, и теперь бравый секьюрити стал похож на жалкого бомжа.

Гриня высунулся из контейнера и сразу увидел «Жигули» ярко-желтого, как в народе говорят, поносного цвета. Захватчики были уже в салоне, а Катя сидела на заднем сиденье, смотрела на него и безудержно смеялась.

Дуболомов сразу понял, что у развалюхи заглох мотор и террористы не могут уехать с места преступления. У Григория появился шанс расквитаться с ними и вернуть себе репутацию крутого супермена.

Голыми руками он сражаться не хотел, так как помнил точные профессиональные движения широкоплечего, и решил для начала отыскать в дерьме свой пистолет.

Гриня был высокомерным и брезгливым, знал себе цену, но в теперешней ситуации позабыл про свои привычки, быстро присел и запихнул руки по локоть в дерьмовидную кашу из пищевых отходов.

– Он пистолет ищет, – запричитал Демин. – Сейчас найдет и откроет огонь.

– Не откроет, – успокоил его Коновалов. Леха лихорадочно вращал ключ в замке зажигания, давил то на газ, то на сцепление, а мотор урчал, но не заводился.

– Здорово! – выпалила неизвестно чем обрадованная Катенька. – Накал страстей нарастает и скоро достигнет апогея.

– А ты-то чего радуешься? – рявкнул на нее Демин. – Из-за тебя все.

– Как же, из-за меня. Из-за вашей старой автомашины, – парировала девочка, – она же не заводится. Была бы у вас иномарка, давно бы уехали. Тоже мне террористы. У моего папы несколько «Мерседесов», «БМВ», «Вольво» и джипы, и все прекрасно заводятся.

– Где мы тебе иномарку возьмем, – гаркнул на нее взволнованный Витек. – Сиди, молчи!

Катя замолчала и обиженно уставилась в окно.

В который раз Леха поворачивал ключ, но списанный в утиль, а затем отстрелированный мотор работать не хотел.

Дуб рылся в помойке, но найти пистолет не мог. Он даже встал на колени и на четвереньках ползал в тухлых отбросах, но безрезультатно. Вдруг его пальцы наткнулись на долгожданный металл, он радостно вскрикнул и вынул из жижи свой испачканный многострадальный «макаров».

Гриня хотел встать на ноги, но в этот момент кто-то вывалил ему на голову помойное ведро с отходами. Как будто не знал, что в мусорном контейнере находится приличный человек в дорогом костюме.

Разгневанный Гриня зарычал, встал во весь свой огромный рост и высунулся из мусорки. Этим он до смерти напугал того самого деда, которому несколько минут назад камнем разбил

окно. Старикашка охнул, схватил в обнимку ведро и побежал домой, рассказывать своей старухе о неожиданной встрече.

Дуб стряхнул с себя чешую воблы, осколки разбитой им же посуды и арбузные корки.

Коновалов заметил, как охранник вылезает из контейнера, и вновь повернул ключ в замке зажигания. Мотор на секунду взревел, а потом опять заглох.

– Чертова развалюха, да заводись же ты, – прорычал Леша и снова повернул ключ. На этот раз зажигание сработало безотказно, видимо, черт помог, мотор затарахтел всеми своими цилиндрами, поднатужился всеми своими шестьюдесятью лошадиными силами, и «жигуль» рванулся с места.

– Наконец-то, – облегченно выпалил Витек.

– Поехали, – хитро улыбнулась Катя.

По ее лицу и реакции на происходящее было видно, что приключение ей нравится. Она все лето находилась дома, в московской квартире, в обществе угрюмого, молчаливого Дуболомова, и играла во дворе с неинтересными сопливыми пацанятами. Большого отец ей не позволял. Рискованное путешествие с захватчиками обещало быть интересным и поэтому ей сразу понравилось.

Григорий вылез из ящика, поднял пистолет, прицелился в уезжающие «Жигули» и нажал на курок. Вместо выстрела из ствола вылезла жирная мокрица и со звонким шлепком упала на асфальт. Дуб несколько раз махнул рукой и вытряхнул из пистолета воду, грязь и всякую живность. После этого он снова прицелился и надавил на крючок.

Грохот выстрела спугнул отдыхающую на дереве ворону, и она от страха навалила кучу свежего помета. К счастью, Дуб находился в другом конце двора – у помойки, и блямба досталась не ему.

Пуля пробила заднее стекло легковушки, влетела в салон и чуть не ранила Демина.

– Ложись, – рявкнул Коновалов и пригнулся за рулем. Витек схватил Катю обеими руками, стянул с сиденья и прижал к полу, навалился на нее всем телом и замер.

Алексей на полной скорости понесся по двору. «Жигуленок» с визгом шин об асфальт вылетел на проезжую часть Сретенской улицы и лихо развернулся.

Дуболомов, видя, что захватчики уезжают, бросился в погоню. Он бежал за уносящейся машиной и на бегу стрелял ей вслед. До него не доходило, что пули могут попасть в Катю.

Несколько летучих бестий вдолбились в передние крылья легковухи, а остальные, к счастью, пронеслись мимо.

Григорий понял, что проиграл этот раунд, но сдаваться не собирался – достал сотовый и связался с братвой. Их офис находился в отдельно стоящем небольшом особняке в центре Москвы. В нем был фешенебельный спортивный зал, где постоянно дежурила бригада из пяти человек. Бойцы под руководством опытного наставника качали мускулы и учились драться. Этот частный клуб принадлежал Герману Розовощекову – главарю бандитов и президенту охранного агентства «Крутые кулаки».

– Это Дуб, – крикнул Гриня, когда услышал голос бригадира Фомы. – Мою подопечную захватили двое в масках. Меня чуть не убили. Угрожали автоматами, стреляли, но я дрался, насколько хватило сил. Мне нужна подмога, вышли ребят.

Дуб специально сгустил краски и приврал насчет автоматов и перестрелки, чтобы выглядеть суперменом в глазах братанов. А как же еще заработать авторитет?

Он служил в бандитском охранном агентстве телохранителем и обслуживал господина Репутатского. Фирма являлась «крышей» миллионера и обеспечивала охрану его квартиры, загородного дома, офиса, многочисленных автомагазинов и дочери Кати. Теперь двое захватчиков в масках стали помехой в их праведной работе и фактически объявили войну влиятельной бандитской группировке.

- Быстрее приезжайте, на меня напали, – кричал в трубку Гриня.
- Дуб, это ты? – Бригадир «Крутых кулаков» по кличке Фома решил немного понервировать высокомерного Гришу, подразнить его. – Что стряслось?
- Двое террористов отбили у меня дочь Репутатского.
- Услышав это, Фома аж свистнул и поначалу не поверил охраннику.
- Они сваливают по Сретенке на старых «Жигулях», я их преследую, – продолжал Дуб.
- На чем преследуешь? – спросил бригадир.
- На своих ногах, бегом я их преследую.
- Бегом «Жигули» преследуешь? – переспросил браток.
- Именно – Дуб заврался окончательно, но другого выхода у него не было.
- Ну, тогда тебе помощь не нужна, – съязвил Фома.
- Ты чего, нужна.
- Ладно, шучу, выезжаю сам и ребят беру.

Дуболомов пробежал еще несколько десятков шагов и очутился на улице. Впереди, в метрах от него виднелся задок поносного цвета «Жигулей». Они быстро уходили по трассе. Гриня, недолго думая, выскочил на проезжую часть и расставил в стороны свои длиннющие ручищи, желая остановить машину.

Когда водитель такси увидел высокого, обезьяноподобного человека в сильно испачканном костюме, то решил не притормаживать.

«Все равно у бомжа денег нет и платить ему за такси нечем», – подумал он, но не тут-то было. Ему все-таки пришлось остановиться, так как он не мог объехать Гриню на узкой трассе.

Шляповоз нажал на тормоза, «Волга» пошла юзом, сбросила скорость, и ее бампер замер в нескольких сантиметрах от коленей запыхавшегося Дуба. Он рванул к водительской двери, распахнул ее так, что чуть не сломал, запустил пахнущую помойкой руку в салон и схватил за шиворот испуганного таксиста. Тот и слова промямлить не успел, как оказался на асфальте, рядом с описанным фонарным столбом. Гриня запрыгнул в салон, нажал на газ и сломя голову помчался за захватчиками.

- Он нас на такси преследует, – сообщил Демин.
- Вижу, не слепой, – парировал Коновалов.

Катенька вылезла из щели, в которую ее, спасая от пуль, затолкал Демин, и визгливо пожаловалась:

- Поаккуратней можно? А то вы на меня навалились, кепочка упала и помялась. – Она подняла, отряхнула и расправила бейсболку.
- Скажи спасибо, что тебя не пристрелил твой телохранитель, – ехидно ответил Витя.
- Он не в меня стрелял, а в вас.
- А мог попасть и в тебя, – добавил Леха.

Гриня неся по прямой, не замечая ни светофоров, ни других машин. Он на полной скорости врезался бампером в едущий впереди «Москвич» и выпихнул его с дороги. Тот закрутился на шоссе как волчок, вылетел на встречную полосу, чуть не столкнулся с грузовиком и, перелетев тротуар, остановился. Обезумевший, но живой водитель выкарабкался из машины, пошатываясь, подошел к стене дома и вывернул наизнанку свой желудок. Во время вращения его укачало, и он метал харч пару минут. Затем обернулся к изумленным прохожим и, дыхнув на них кислым воздухом, спросил:

- Скажите, пожалуйста, сколько время?
- Ты уже опоздал, – поморщился пожилой подвыпивший мужик с бутылкой пива в мозолистой натруженной руке и удалился.

Зеваки жаждут крови, но в этой аварии ее не пролилось ни капли, только рвотные массы, и поэтому толпа быстро растаяла.

– Он нас догоняет, он уже рядом, – причитал Витек.

Коновалов рулил как заправский ас и сдаваться не собирался. Если бы у них была машина получше, то они ушли бы от преследователя за считанные минуты. Но «жигуль» тарахтел и чадил, как керосинка, и Гриня неуклонно настигал его. Леха следил в зеркало заднего вида за приближением охранника и думал, как оторваться от его назойливого преследования. Думал-думал и наконец придумал...

Гриня объехал разделяющую их машину и теперь между «Волгой» и развалюхой Коновалова было расстояние в каких-нибудь пять метров. Дуб нажал на газ, и такси с ходу врезалось в задний бампер «Жигулей». Малолитражка пошла юзом, но Леха сманеврировал и удержал ее на дороге.

– Ах ты гад, – пробасил он и вдавил педаль газа в пол. Видавший виды автомобиль-инвалид поднатужился и начал медленно, с угрожающей вибрацией разгоняться. Его мотор заревел как у тяжелого бомбардировщика. От стресса у него пробило прокладку головки блока двигателя, и вода начала поступать в камеру сгорания. Моментально из ревущей выхлопной трубы повалил белый пар, и создало такое впечатление, что машина загорелась. Она быстро окуталась дымом, и ее не стало видно в густых клубах. Дуболомов влетел в густое облако, и сразу пар наполнил кабину. Гриня не успел поднять стекла, и ему в нос ударил удушливый запах. В горле моментально запершило, глаза заслезились и стало абсолютно нечем дышать. Он закашлялся, зачихал, из глаз потекли слезы, и он потерял ориентацию. Он не мог точно определить, в каком месте дороги находится, и резко надавил на тормоз. «Волга», пролетев в молочной мгле двадцать метров, остановилась. Дуб выскочил из машины и, выставив перед собой руки с растопыренными пальцами, кинулся вперед, к свежему воздуху. Постороннему наблюдателю могло показаться, что он слепой. Он шел не дыша, с закрытыми глазами, и не заметил, как бетонный столб «вырос» на его пути. Левая рука прошла левее него, правая – правее, а вот лоб попал в самый центр.

Удар был неожиданным и сокрушительным, послышался глухой треск, но что треснуло – лоб или столб, – было неясно. Яркие искры полетели из Грининых глаз, и на мгновение ему показалось, что начался салют в его честь. Перед глазами поплыло, он мотнул своей большой, топорно вырубленной головой, обхватил столб и осел по нему на асфальт.

– Оторвались, – гаркнул Демин, – его «Волга» из дымового облака не выехала.

– Черта с два оторвались, – расстроил его Леха, – движку конец, километр проковыляем, и баста – встанем.

– А что делать? – Витек уставился на друга своими голубыми, чистыми, как роса, и наивными, как у младенца, глазами.

– Машину надо бросать и до квартиры добираться пешком.

– Так это далеко...

– Ничего, на метро доедем.

– Можно и на такси, – встряла в разговор Катя. – Можно частника поймать, и лучше на иномарке, тогда точно доедем.

Парни, услышав ее не лишнюю здравого смысла речь, замолчали, замялись и поникли, как цветы в прокуренном помещении. Дело в том, что у них не было денег, ни копейки.

Для того чтобы заправить «Жигули» бензином, Витек продал на барахолке свои китайские кварцевые часы, продал задарма, за ничто, но этих крох хватило, чтобы купить бензин и залить его в прожорливый автомобиль.

– Ну что, поедем на такси? – прищурилась Катя и с ухмылкой посмотрела на террористов. Она видела только их глаза в прорезях черных масок, выпирающие из-под плотной ткани, приплюснутые широкие носы и искаженные гримасой озабоченности рты.

– Мы, наверное, на метро поедем, – ответил Леха и уставился на дорогу.

– А вы и в метро в масках поедете? – не унималась дотошная девочка.

– Маски в метро снимем, – сказал Коновалов, как отрезал. Он посмотрел в зеркало заднего вида на дорогу и, убедившись, что погони нет, сбросил скорость.

Они ехали по Садовому кольцу. До места назначения, где на Сиреневом бульваре располагалась однокомнатная квартира Коновалова, им было полчаса езды, но мотор развалюхи продолжал дымить, начал стучать и готов был вот-вот загнуться. Белый дымовой шлейф, оставляемый за собой машиной, привлек внимание гаишника, и вслед им устремился милицейский «Форд». Служители закона обогнали развалюху и в мегафон приказали ей остановиться.

– Что будем делать? – спросил взволнованный Коновалов.

– Сдаваться. – Витек сник и уже хотел снять черную маску, но друг его остановил:

– Не надо, а то они наши лица увидят.

– Так что же, в масках будем сидеть?

– Да, в масках.

– А если они ваши права будут проверять и документы на машину? – удивилась Катя.

– А у нас нет ни прав, ни документов, – ответил Леха. – Мы эту машину на помойке нашли, немного подреставрировали и всего один раз на ней выехали. Мы ее собирались после захвата бросить в каком-нибудь дворе.

– И пересест в крутую иномарку, – продолжила мысль девочка.

Парни подавленно посмотрели на нее, и Коновалов ответил:

– Нет у нас никакой иномарки, ни крутой, ни всмятку.

– А автоматы или на крайний случай пистолеты с глушителями у вас есть? Чем вы отментов отстреливаться будете?

– Нет у нас ни пистолетов, ни автоматов, – понурившись, ответил Демин. – И мы отстреливаться не будем, мы будем сдаваться.

– Жаль, – скривила губки Катя, – я думала, вы настоящие террористы, а вы... – Она посмотрела в окно на подходившего к машине гаишника и заскучала.

– Мы горе-террористы, – добавил Алексей и тяжело вздохнул.

Полный, бочкообразный, с животом, похожим на бурдюк, лейтенант ГАИ приблизился к «Жигулям» и отдал честь:

– Лейтенант Подковыркин. Предъявите ваши док... – как только он увидел за рулем здорового мужчину в черной маске, то сразу потерял дар речи.

Алексей сидел не шелохнувшись, держал руки на руле и внимательно следил за каждым движением милиционера.

Первой же мыслью, возникшей в усталом после ночного дежурства мозгу лейтенанта, было: «Негр за рулем». Но, присмотревшись, он понял, что это не черная негритянская кожа, а чулок на голове водителя. Второй мыслью, пронзившей сонный, уставший от выпитого алкоголя мозг, было: «Киллеры! Надо валить отсюда, пока цел».

Оценив обстановку и не заметив агрессии в движениях пассажиров, Подковыркин решил с честью и риском для жизни выполнить свой служебный долг – попросить у водителя права.

– Ваши права, пожалуйста, – выдал он, будто не замечая, что тот в маске.

– А у меня нет водительских прав, – медленно произнес Коновалов и посмотрел гаишнику прямо в глаза. От этого взгляда у лейтенанта мурашки побежали по спине, но он перешибил страх и повторил:

– Права и документы на машину, пожалуйста.

– Нет ни прав, ни документов, – спокойно ответил Леха и продолжал сидеть как мумия – без движений.

– Выйдите из машины, – вежливо попросил инспектор.

– Не выйду, – ответил Леха.

Подковыркин начал медленно отходить от «Жигулей». При этом его рука потянулась к висевшему на плече автомату. Второй служитель закона в звании капитана, заметив подготовительные действия партнера, недолго думая, вскинул «калашников» и кинулся к развалюхе.

– Выйти из машины, руки на капот, – истерично завизжал он. От нервного возбуждения его руки тряслись так, будто он сжимал отбойный молоток.

Осмелевший лейтенант направил ствол в окно и рывкнул:

– Всем выйти!

– Что будем делать? – дрожащим голосом спросил Витя.

– Выходим, – пробубнил Коновалов, – больше ничего не остается.

Медленно, чтобы не спровоцировать гаишников к стрельбе, он открыл дверцу, поднял руки вверх и начал боком, так как иначе в дверь не проходил, вылезать из кабины.

Демин же дверь открыл резко, быстро выскочил и также быстро положил руки на крышу автомобиля. Катенька спокойно вылезла из салона, захлопнула дверь и оперлась о нее спиной.

– Документы, – завизжал Подковыркин.

– Нету документов, – спокойно ответил Коновалов.

– Паспорт?

– Нету паспорта.

– Почему в масках?

– Замерзли, – ухмыльнулся Леха.

– Снять маски, – приказал лейтенант, на что услышал категоричный отказ.

– Почему не снимете? – В глазах у него встал немой вопрос.

– Простудимся, – брякнул Демин.

– А почему девочка не в маске? – задал второй дурацкий вопрос Подковыркин.

– Она закаленная, – парировал Леха и взглянул на Катю.

Та стояла, опершись спиной о дверь, и спокойно рассматривала гаишников и наведенные ей в лицо автоматы. Она не проявляла ни малейших признаков беспокойства и, как показалось Алексею, не собиралась воспользоваться предоставленной ей возможностью и бежать. Происходящие с нею события были для нее забавной игрой.

– Ты кто такая, девочка? – спросил ее лейтенант.

– Я – закаленная, – ответила Катя и надменно посмотрела на Подковыркина.

– Так, – промямлил тот, – сейчас я вызову наряд муниципальной милиции, и вас отвезут в участок для выяснения личностей.

Он поднес рацию к губам, но воспользоваться ею не успел, так как потерял сознание. Металлический прут опустился ему на голову. От этого удара его фуражка согнулась пополам и отлетела на пять метров. Лейтенант обмяк и плюхнулся на дорогу. Второй гаишник успел обернуться, но получил сначала палкой по коленям, отчего согнулся в три погибели, а потом прутком по затылку. Он выронил автомат и повалился на дорогу как мешок. Лейтенант и капитан лежали бок о бок, как дрова в вязанке, а возле них ехидно скалились дружки Дуболомова.

Увидев их, Катя вскрикнула, зажала ладонью рот и взглянула на Коновалова. А тот спокойно сжал кулаки и приготовился к бою.

Глава 2

Дуб сидел возле столба пять минут, сидел не двигаясь, пока его не оторвали подъехавшие братки.

– Ты чего к нему прилип? – съязвил Фома. – Подумал, что это твоя баба?

– Меня машина террористов сшибла, – начал оправдываться тот, – я пролетел по воздуху двадцать метров и ударился об этот столб. Вот и шишка на лбу имеется. – Он показал синяк величиной с комариный укус и потер его широкой мозолистой ладонью: – Как жив остался, не знаю.

– Столб мягкий попался, – усмехнулся приехавший с Фомой братан по кличке Газила.

Это прозвище ему дали неспроста – из-за его хамской привычки постоянно попукивать. Он это делал везде и без зазрения совести. Он мог за столом, во время званого обеда пустить шептуна в присутствии дам и друзей. Но самое неприятное было ехать с ним в машине. Он мог сильно пукнуть и от этого долго веселиться. Каково же было друзьям вынюхивать его зловонные вулканические выбросы! Главарь банды Гера хотел его за эти выходки сослать в Германию, мол, там ему и место, но потом передумал – еще здесь пригодится. А так Газила был верным другом и проверенным в делах бойцом.

Он был высокого роста и очень тренированный в плане восточных единоборств. Он садился на шпагат и мог кулаком расколоть три белых кирпича, положенных один на другой. Даже Дуб колол только два.

У Газилы от постоянных тренировок пальцы и кисти рук были сильно деформированы, не разгибались и находились в скрюченном состоянии. Несведущие люди думали, что в детстве он перенес полиомиелит, и сильно ему соболезнавали, но на самом деле он колол пальцами доски, кулаками кирпичи и черепицу, а локтями бревна и бордюрные камни. «Крутой цигун» звали его друзья. Даже лицо у него было набито деревянными палками. Босс собственноручно раскалывал о его голову бутылки, доски, а порой и кирпичи. Но Газила выдерживал все.

– Садись в машину, поедem искать твоих террористов, – ухмыльнулся Фома, и все залезли в новенький, только с конвейера джип «Линкольн Навигатор». Фома надавил на газ, и внедорожник полетел по трассе.

– От тебя воняет хуже, чем от Газилы, – заметил бригадир, – не продохнуть. Наш пердун приятнее пахнет.

– На меня вывалили помойный контейнер с мусором. Террористы за ним спрятались, когда я в них стрелял. Когда патроны кончились, я стал обойму перезаряжать, и один из них поднял контейнер и в меня метнул. Я увернулся, но мусор вывалился и запачкал костюм.

– Это каким же надо быть сильным, чтобы мусорный ящик в тебя кинуть? – скептически произнес бригадир. Он не очень-то доверял рассказам частенько привирающего Дуба.

По правде говоря, Фома думал, что дочка Репутатского сбежала от Грини и опять поехала к матери в психиатрическую больницу. Такие выходки у нее уже были, но, слава богу, ее ловили на полпути.

Фома поглядывал на грязный, вонючий костюм товарища и брезгливо морщился.

– Ты что, в помойке ковырялся? – спросил он. – Обед себе искал?

Братки разразились веселым смехом, а Гриня съежился и только с досадой покачал головой.

«Вам бы так поковыряться», – подумал он, а вслух сказал:

– Их было двое, и оба в черных масках. Один настолько здоровенный, я таких в жизни не видел, – продолжил он свой «правдивый» рассказ. – Он мне как даст в челюсть, я аж пошатнулся, но на ногах устоял. Я тогда как саданул ему ногой в грудь, а он даже не согнулся. Тогда я ему кулаком в нос, а он увернулся и мне как дал локтем в лоб – я и упал.

– Прямо на столб, – засмеялся Газила и громко пукнул. Зловонное облако поползло по салону, а братки зажали носы пальцами и начали спешно опускать стекла – хотели вдохнуть свежего воздуха. Несмотря на то что в иномарке работал кондиционер, в ней стало душно – хоть топор вешай.

– Опять ты, пердун! – возмутился Фома.

– Бздун! – поддержал бригадира Гриня.

– Ха, ха, ха, – громыхал развеселившийся возмутитель спокойствия. Самого Газилу его вонь почему-то не брала.

«Навигатор» маневрировал среди многочисленных машин и несся по Садовому кольцу.

– Вон они! – гаркнул Гриня, и все увидели желтые «Жигули» рядом с «Фордом» гаишников. – Дюжий террорист возле водительской двери. – Дуб указал направление грязным пальцем.

– Ни фиги себе бульдозер, – вырвалось у Газилы, – его кувалдой не возьмешь.

– И девчонка с ними, – добавил Дуб.

– И два мента, – Фома притормозил и перестроился в крайний правый ряд. – Действуем быстро, – приказным тоном начал он, а братки подбоченились. Шутки шутками, а дисциплина в «Крутых кулаках» была железная. – Газила, убираешь ментов, потом битюга, а мы с Дубом хватаем девчонку. Если эти черномасочники дернутся – перестреляем их, как уток на охоте.

Парни вытащили пистолеты и передернули затворы, а Газила достал из-под сиденья металлический прут. Джип подъехал и остановился возле гаишников, бойцы молниеносно выскочили из кабины, приблизились к ним и с двух ударов вырубili их. Те распластались на асфальте, а братки ринулись на Коновалова.

Алексей сжал кулаки и приготовился к отражению атаки. Газила размахнулся толстым, метровой длины прутком. Леха присел, и металл просвистел у него над головой. Газилу по инерции закрутило, и он повернулся к Лехе спиной. Леха обхватил его за талию, приподнял и произвел мощный бросок через бедро. Он так рассчитал движение, чтобы бандит упал на Фому.

Бригадир видел, что напарник промахнулся, решил ему помочь и кинулся в атаку. В этот момент Коновалов и бросил на него Газилу.

Фома саданул кулаком в ребра кувыркающемуся в воздухе парню и отскочил от него на метр. Газила вскрикнул и обрушился на голову Фоме. Сшиб его, и они оба плюхнулись на лежащего на асфальте Подковыркина.

Фома решил приподняться, но белая кроссовка Лехи врубилась в его тяжелый подбородок и сместила на десять сантиметров. Бандит дернулся и опрокинулся на спину. Газилу Алексей добивать не стал, так как его уже изувечил его же товарищ. Ушибленные ребра сильно болели, Газила ревел, как стая бабуинов, и катался по асфальту. При этом не забывал подпустить зловонного пару.

Гриня выхватил пистолет и направил его на широченного террориста в черной маске.

Алексей вовремя заметил, как бандит вынимает оружие, и решил, что надо атаковать. Сделал шаг к лежащему на дороге гаишнику, стремительно нагнулся, схватил «калашников» за ствол и с размаху метнул в братана. Не успел Дуб прицелиться, как брошенный автомат ударил его сначала по руке с пистолетом, а потом в грудь. Выбил оружие и очень больно заехал рукояткой в солнечное сплетение. Гриня охнул, согнулся пополам и опустился на корточки. В глазах у него поплыло, а внутри затошнило. Но амбал сознания не потерял и не отключился.

В этот момент с асфальта встал Фома и двинулся на Коновалова. Алексей отскочил, и удар, направленный в челюсть, просверлил воздух возле его носа. В ответ Леха сильно долбанул Фому правым боковым, его голова откинулась назад, он потерял равновесие, завалился на спину и сильно ударился затылком об асфальт. Последнее, что он запомнил, были яркие искры и белые облака, плывущие по голубому российскому небу.

Дуб вскочил, кинулся к Кате, схватил ее за руку и поволок к машине. Девочка не сопротивлялась, но шла с неохотой. Возвращаться к казарменному, полутюремному образу жизни, организованному ее отцом, ей не очень-то хотелось. С двумя, по ее мнению, неопасными, «добрыми» террористами ей было и веселей, и спокойней. К тому же по необъяснимой причине ее тянуло к широкоплечему захватчику. Она чувствовала, что от него веет теплом, добротой и силой. Таких чувств она не испытывала ни к одному человеку в мире. С каждой минутой общения Леха ей нравился все больше и больше.

Витек обежал развалюху и встал на пути уводящего заложницу Дуболомова.

– Стой, ты куда? – рявкнул он и замер на безопасном расстоянии от него.

– Пошел вон, ЧМО (человек, мешающий обществу), – отмахнулся тот и продолжал тащить Катю к «Навигатору».

– Стой, кому говорят! – не унимался Витя.

Демин не был бойцом, как Коновалов, и поэтому на рожон не лез, но всегда находился за спиной сильного и закаленного в боях друга.

– Пошел к черту, – смерив его взглядом, усмехнулся Гриня.

– Леха, он не хочет нашу заложницу возвращать, – завопил Демин, пытаясь привлечь внимание занятого разборками друга.

Закончив добивать последнего из братков, Леха обернулся на зов и рявкнул:

– Вернет, куда он денется.

Услышав голос у себя за спиной, Дуб вздрогнул. Он не следил за разворотом поединка и в душе надеялся, что супермастер Газила сможет одолеть террориста. Но он ошибся. «Крутой кулак» отдыхал на асфальте в недвусмысленной позе.

Дуб вжал голову в плечи и обернулся. Драться с Коноваловым ему больше не хотелось, вернее, получать по морде больше не хотелось. Он добровольно, без боя выпустил руку Кати, отошел от нее и сказал:

– Ладно, берите, но мои люди будут вас искать и найдут. Вот тогда и поговорим.

– Уже поговорили, – усмехнулся Леха и обнял девочку. Он посмотрел на довольную Катю, и вдруг на душе у него стало хорошо, тепло и спокойно, будто соловьи завели свои прелестные трели.

– Уходим, Леха, – крикнул Демин и кинулся к бандитскому джипу. Открыл водительскую дверцу, сел за руль и повернул ключ зажигания.

Алексей помог Кате сесть на заднее сиденье, а сам втиснулся на переднее. Демин нажал на газ, мотор взревел, но джип с места не тронулся.

Дело в том, что Витек не умел водить машину. Он мечтал научиться, но времени и денег не было, да и машины не было, и он все откладывал и откладывал. Теперь ему предоставилась прекрасная возможность начать свое отложенное обучение. Он с радостью нажал на газ, но джип стоял на месте как вкопанный и ревел, как Ниагарский водопад.

– Леха, он не едет! – взмолился Витя.

– Ты забыл перевести рукоятку скоростей в режим езды.

– Где эта рукоятка?

– Вот она, – Катя ткнула пальцем в ручку, – даже я знаю.

– Как ее включить? – затрепетал Демин.

– На одно деление на себя, – спокойно ответил Леха и уже положил ладонь на рукоятку, как Витя закричал:

– Нет, я сам! – Он перевел как надо и снова нажал на педаль. Широкие шины джипа засвистели на сухом, пыльном асфальте, покрышки задымились, и тяжелый задок пошел юзом. Через мгновение произошло сцепление, и внедорожник, набирая скорость, с места взял полный газ.

– А! – закричал от радости Демин и подскочил в водительском кресле. Его ликование не было предела. Он первый раз сам вел машину, да еще какую.

«Навигатор» увеличил скорость и чуть не врезался в ехавший впереди «Москвич». Леха успел схватить руль и крутануть влево. Джип объехал легковуху и беспрепятственно умчался с места бойни. Коновалов страховал Демина и следил, чтобы тот не побил окружающие их машины.

Как только внедорожник исчез из вида, Гриня смачно сплюнул на гаишников и начал думать, как выпутаться из наихудшего положения, в которое он попал по своей трусости.

Несмотря на свой грозный вид, Гриша был парнем добродушным и, можно сказать, робким. Он никогда не принимал участия в избиениях не плативших дань коммерсантов. На разборках в людей не стрелял, а если и стрелял, то старался промахиваться, целясь выше голов. Единственный раз он в азарте погони открыл огонь из пистолета по «Жигулям» террористов, не сообразив, что может кого-то ранить или убить. Он ведь стрелял по машине.

Когда Фома его спрашивал, почему он не ударит пару раз директора магазина, задолжавшего бандитам деньги, то Дуб отвечал:

– Я его ударю, а вдруг убью или искалечу, кто тогда дань будет платить?

Братки знали про его природную силу и верили словам, хотя на самом деле он бы мухи не обидел. Грине только и надо было, чтобы от него отстали.

Да, Гриша Дуб был обыкновенным «быком», каких много. Получал тысячу долларов в месяц, делал то, что приказывали, и не больше. Сам на рожон не лез и в авторитеты не метил. Он занимал в группировке свое законное положение не выше и не ниже.

Теперь, после победы широкоплечего террориста, авторитет Дуба, как сильного и непобедимого «крутого кулака», оказался под угрозой. Гриня понимал, что когда Фома и Газила придут в себя, то обязательно спросят, почему он, Дуб, жив, здоров, целехонек и даже без синяков? Наврать про его победу над террористом он не сможет – не поверят, так как они на своей шкуре ощутили его мастерство. Значит, его авторитету конец, а за трусость его могут избить и выгнать из банды. А на крайняк даже убить.

Гриня постоял с минуту, почесал затылок, думая, что предпринять, а потом заметил, как Фома начал мотать головой и мычать как годовалый бычок. Следом за ним начал очухиваться и Газила. Тогда Гриня повернулся лицом к проржавевшим «Жигулям», перекрестился, разбежался и со всего маху врубился головой в боковое стекло. Он знал, что оно не каленое и поэтому легко разобьется под натиском его чугунного лба.

Стекло мигом разлетелось на осколки, голова Грини влетела внутрь, а массивное тело осталось снаружи. Стекла немного рассекли кожу на затылке, и струйки крови потекли по шее и мясистым щекам. Гриня мог сразу вынуть голову из дверцы, но решил повременить, подождать, пока друзья его отсюда извлекут. Он согнул ноги, присел, притворясь нокаутированным, и стал ждать, пока Фома очнется. Ждал недолго – меньше минуты.

Братаны пришли в себя, с трудом поднялись с асфальта и нашли Дуба в плачевном состоянии. Он висел в дверце легковухи и не подавал признаков жизни. Когда Фома подошел ближе и увидел струи крови, стекающие на дверцу, то подумал, что Дубу разбитым стеклом перерезало горло.

– Братан, – сдавленно прохрипел он, – Дуб, похоже, дал дуба.

– Что, загасили? – спросил Газила и при этом от волнения громко пукнул. Его выходки бригадир не заметил, так как сильно переживал за Гриню. Парни осторожно вытащили Григория из дверцы и усадили на асфальт.

– Вроде сопит, – прислушался бригадир.

– Значит, жив, – подтвердил Газила.

Неожиданно Григорий открыл глаза, сжал кулаки, размахнулся и врезал Газилю в челюсть. Тот еле-еле увернулся от массивной дуболомовской «пивной кружки»:

– Ты чего, не домахался? – Парни схватили Гришу и попытались успокоить. Но не тут-то было. Дуб встал, несмотря на то что на его руках повисли двое здоровых мужчин, и, пошатываясь, двинулся по дороге.

– Бей, гад, – зарычал он, – бей, падла!

– Дуб, ты чего, это же мы, – запричитал Газила.

– У него от удара крыша поехала, – догадался Фома. – Держи его крепче, а то кого-нибудь замочит.

Братки навалились на сильного, как горилла, братана и попытались остановить. Гриня встал как вкопанный, но все равно хрипел и рычал, пытаясь что-то произнести. Наконец, мотнув головой, пришел в себя и на удивление быстро повеселел.

– А, это вы? – выпалил он.

– Мы уж думали тебя загасили, а потом решили, что ты сбрендил. А ты жив и здоров. – Фома отпустил его руку.

– А кто меня загасит? – начал косить под дурака Гриня.

– Как кто, амбал в маске, – напомнил Газила.

– Какой амбал? – переспросил Дуб.

– Катю захватили террористы и... – начал Газила, но бригадир его остановил.

– Потом расскажешь или сам вспомнит. Надо отсюда сваливать, а то уже слышен вой ментовской сирены.

– Так террористы наш джип сперли, – с досадой вымолвил Газила.

– Поедем на мусорской, а «Навигатор» потом найдем, по вмонтированному в него пеленгу.

Фома отдал приказ, и все бросились к милицейскому «Форду». Бригадир включил сирену, мигалки, нажал на газ, и веселые братки с воем умчались с места преступления.

Глава 3

К Альфреду Репутатскому кличка Репа прилепилась как репей. Он повзрослел, заматерел, разбогател, но как был Репой, так и остался. Недавно купил шестикомнатную квартиру площадью четыреста квадратных метров, и нанятые шабашники-хохлы сделали ему дорогой ремонт. И вот он уже год проживал в ней со своей дочерью Катей. Мать Кати – душевнобольная и все время находилась «на лечении» в психиатрической больнице им. Кащенко. Отец запрещал Кате навещать ее, и именно поэтому рядом с девочкой все время находился телохранитель Дуболомов. Репа не хотел, чтобы мать и дочь виделись и разговаривали. Катя с годовалого возраста росла без матери и не очень-то страдала без ее ласки, заботы и любви. Она просто не знала, что это такое. Дело в том, что отец ее абсолютно не любил и никоим образом не занимался ее воспитанием. Просто кормил ее, поил, одевал и обувал. Иногда покупал недорогие игрушки.

Несмотря на то что девочка росла фактически без родителей, она была начитанная, образованная и очень воспитанная. Все свое образование она черпала из книг, которые в изобилии брала в школьной библиотеке. Отец не противился ее читательским интересам и даже поставил в ее комнатке небольшую лампу, чтобы она могла читать по ночам. Катя приходила из школы, обедала, гуляла во дворе в обществе Дуболомова, затем возвращалась домой, брала в руки очередную книгу и до ночи ее изучала. Она читала все подряд – от низкосортных, но захватывающих боевиков популярных писателей до Пушкина, Лермонтова и Достоевского. Она даже прочла математический справочник, медицинскую и техническую энциклопедии. Хотя ни черта в них не поняла, но все равно прочитала.

Альфред был рад, когда дочь запиралась в своей маленькой комнатке и ему не мешала. Он занимался очень важными делами и не любил, когда его кто-то отвлекал. А занимался он вот чем.

Репутатский был торговцем автомобилями иностранного производства, имел в Москве офис и несколько магазинов. Он разбогател именно на этом. Его тесть – Маринин отец, проживающий в Соединенных Штатах Америки, помог ему открыть эту фирму. Он эмигрировал туда после смерти своей жены, там женился на дальней родственнице автомобильного магната Эдди Крайслера и, используя ее деньги, организовал свою фирму. Он был крайне заинтересован в российском рынке и взял в дело зятя – Альфреда Репутатского.

Да и фамилия Альфреда до женитьбы была не Репутатский, а Шнобелев. Кстати, он сменил и имя – раньше его звали Паша. Ему показалось незвучным это сочетание, и он стал представляться как Альфред Репутатский. Действительно, что за имя и фамилия для начинающего бизнесмена – Паша Шнобелев. Альфред Репутатский звучало убедительнее, красивее и увесистее.

Но главарь бандитской группировки «Крутые кулаки» Герман Розовощеков по кличке Тыча дал Репутатскому прозвище Репа. Он как в воду глядел.

Новоиспеченный Альфред открыл свой первый магазинчик в Москве на заре дикого капитализма – в 1991 году. С тех пор тесть регулярно поставлял в страну автомобили различных марок, а Альфред их продавал. Так он сколотил состояние, стал долларовым миллионером, и его совместное российско-американское предприятие «Руль и колесо» процветало. В его обязанности входило считать вырученные деньги, отправлять их в США, оставляя себе двадцать процентов прибыли. Он даже налоги не платил, так как все операции происходили за наличный расчет, а финансовые документы были липовые. Он только ежемесячно платил бандитам Тычи тридцать процентов от своей доли, а те обеспечивали его безопасность и охраняли автомагазины. Бизнес процветал, но у Альфреда была одна тайна. Он не сообщал тестю о том, что его дочь Марина Репутатская уже девять лет находится в психиатрической больнице.

Если бы тот узнал, то, наверное, сразу прекратил бы поставки машин и закрыл фирму. Ведь он старался помочь в первую очередь дочери и внучке.

Именно поэтому Альфред кормил, поил и одевал Катю, любимую внучку тестя, и постоянно слал в Америку видеокассеты с ее записями. Показывал, как ей прекрасно живется, но на самом деле Катя жила не так уж и хорошо.

Альфред давно бы спровадил и Катю в сиротский приют, если бы не бизнес и миллионные доходы. Тесть приглашал Марину с Катей и Альфредом погостить в США, но зять отказывался, ссылаясь на загруженность работой. На самом деле он не хотел, чтобы тесть узнал, что его дочь Марина психически больная.

Но была у Альфреда Репы еще одна страшная тайна. О ней не знал никто, кроме него и его жены Марины. Именно из-за этой тайны он и упрятал ее в психбольницу.

Да, семейные дела Альфреда накрепко переплелись с его бизнесом и большими деньгами, и он никак не мог разрубить этот узел. Он любил жить роскошно и вольготно, сорить деньгами, и эта его привязанность мешала ему раз и навсегда порвать отношения с нелюбимой женой и надоевшим ребенком. Основное время Альфред проводил не на работе, а в ресторанах, казино и со шлюхами. Любил игру, женщин и секс больше всего на свете, порой даже больше денег. Естественно, больше денег, раз тратил доллары на баб.

Альфред был некрасивым, противным человеком, вызывающим у окружающих омерзение. Но по необъяснимой причине он почему-то нравился женщинам. Не всем, конечно, а только дамам легкого поведения. У него был веселый нрав, и когда он был пьян, а в таком состоянии он был всегда, то сорил деньгами. Не проходило и дня, чтобы он не напился в кабаке до чертиков и не привел домой проститутку или просто разгульную девицу. Материальное положение ему позволяло веселиться дни и ночи напролет, и он так и поступал. Прожигал жизнь, ту единственную жизнь, которую можно употребить для большого, нужного людям дела. Но на людей ему было наплевать, и он шиковал в свое удовольствие и каждую ночь совершал головокружительные турне по ночным заведениям столицы.

Каждый новый день он выезжал в «свет» на очередной иномарке и бахвалился перед товарищами, такими, как и он, бизнесменами-пройдохами, что купил еще одну. На самом деле он только обкатывал, как он выражался, новую, продаваемую им машину. Так как его тесть присылал их теплоходами, то и менял их Репа каждый день.

И сегодня, в день захвата дочери, он развлекался с двумя девицами. Лежал на широченной кровати, в самой большой комнате своей квартиры, а две красивые, стройные, привлекательные стриптизерши из казино «Убойная рулетка» ублажали его похотливый взор развратными танцами. Женщины любят демонстрировать мужчинам свое тело, особенно если за это платят.

Он познакомился с ними прошлой ночью, во время посещения заведения, где считался завсегдатаем. Там он просадил в рулетку сорок тысяч долларов, а потом с горя напился и стал засовывать в трусики каждой танцовщице по стодолларовой купюре.

Репе очень понравилась грудастая, с мясистым задом стриптизерша по имени Майя. Она охотно подошла к его столу, повиляла бедрами, потрясла сиськами, как корова выменем, несколько раз подмигнула Альфреду, дотронулась пальчиком до его носа, получила сто долларов и напоследок вызываяще захохотала. Репа был наповал сражен ее пугающей нормального человека красотой и после окончания танца поплелся к ней в гримерную, прихватив с собой бутылку французского шампанского и два бокала.

В тесной, пропахшей потом грим-уборной шансонетка находилась не одна, а с подругой Ларисой. Они обе были белокуроыми, грудастыми и похотливыми, как голодные весенние сиамские кошки. Репутатский наврал им про свои богатства с три короба, и они, как ему показалось, поверили. После нескольких глотков шипучего вина из звенящих хрустальных бокалов красотки хором согласились посетить его квартиру и устроить убойное стриптиз-шоу. Репа

пообещал за это хорошие деньги, поцеловал каждую в щечку, потрогал за попку, поласкал сиську и удалился.

Они договорились встретиться с Альфредом у станции метро «Сухаревская» в семнадцать ноль-ноль следующего дня.

Обрадованный Репа поехал домой спать, а красотки успели договориться о randevу с еще двумя клиентами. Раз с «машинистом» – так они окрестили Репутатского – они договорились на день, то с двумя «банкирами» назначили встречу на вечер. Девушки подрабатывали, выезжая к богатым клиентам на дом и показывая там свои женские прелести.

И вот час настал. Репа приехал на свидание в роскошном «Бэнтли» иссиня-черного цвета. Подкатил к стройным ногам ожидавших его у метро красоток и лихо затормозил. Открыл широкую дверцу и выкатился на улицу как колобок, чем вызвал бурю восторга у веселых девиц. Они сели в салон, и «дворец на колесах» мигом домчал их до квартиры Альфреда.

В это время Катенька играла во дворе с радиоуправляемым танком и не обратила внимания на приезд папаши, хотя Дуболомов его заметил. Он отвел взгляд, чтобы не смотреть хозяину в глаза, и уставился на игрушку и свою клиентку. В этот самый миг на ветку, расположенную над его головой, и села та самая злополучная ворона. В это же время Коновалов и Демин въехали во двор на своих разваливающихся на ходу «Жигулях».

Альфред и девицы выпили шампанского, потанцевали и только после этого приступили к стриптизу. Репа с бокалом в руке завалился на широченную, из дорогого шведского гарнитура кровать, а девушки включили музыку и занялись привычным для себя делом.

Они были похожи друг на друга как сестры, как однояйцевые близнецы, хотя в родстве никогда не состояли. И Лариса и Майя были одного роста, одного веса и примерно одной комплекции. У обоих были длинные, стройные, спортивные ноги, выпирающие, красивой формы груди, хотя и набитые силиконом.

У худых, изможденных непрекращающейся диетой танцовщиц не бывает пышных бюстов, и за это их называют плоскодонками. Некоторые, особо сообразительные, делают себе операции по вживлению в грудь силиконовых протезов, и от этого сиси моментально становятся мясистыми, упругими, стоячими. Дамочки сразу начинают выше котироваться у импресарио, получают выгодные контракты, и клиенты дают им хорошие чаевые. Приятно посмотреть на женщину с узкой талией, поджарыми бедрами, длинными ногами и большой, вздрагивающей при ходьбе грудью.

Именно такие красавицы посетили дом Репутатского.

Репа захмелел от спиртного, но шампанское из бокала попивал и тихо рыгал после каждого глотка. Ловил кайф от музыки, танца и от девушек. Стриптиз начался.

Лариса вышла вперед, махнула полой своего длинного белого платья, и оно расправилось в воздухе, образовав веер. Под заунывное протяжное пение модной канадской певицы Селин Дион Лариса начала вилять бедрами, наклоняться и изгибаться. Она пока была одета, но все ее движения указывали на то, что одежда ей мешает и она ее скоро с себя сорвет.

Стриптизерша нежно поглаживала себя по интимным местам и при каждом касании вздыхала, вздрагивала в такт музыке, стонала и охала. Она распяляла клиента, заставляя его поверить в свои сексуальные томления и предчувствие наступающего оргазма. Хотя это была лишь игра и уставшей Ларисе хотелось от медленной музыки зевать и спать. Она ждала, когда закончит работу и получит денежки. Но доллары надо было сначала заработать, и поэтому красотка извивалась всем телом и томно стонала, убеждая клиента, что хочет его.

Видя это, Репа аж губу прикусил. Шансонетка была профессионалкой высокого класса, у нее за спиной было балетное училище, и она умела движениями выражать свой душевный настрой. Наконец Лариса завела руки назад, растянула платье у себя за спиной, взяла его за кончик, махнула, как флагом, и резко отбросила в сторону. Оно, белое и тонкое, упало

на кровать, прямо на голову Репы и напрочь заслонило видимость. Дрожащими руками он сдернул его и положил рядом.

Лариса осталась в белоснежных ажурных трусиках и в белой, развевающейся при каждом взмахе руки рубашке. Она несколько раз быстро прошла перед Альфредом, окутав его шлейфом дорогих французских духов «Коко Шанель». Вдохнув это очаровательное пьянящее дуновение, Репутатский заерзал на кровати, засучил ногами, как кобель, и моментально возбуждился. Ему захотелось поймать Ларису, и от этого своего желания он не в силах был отказаться. Он лежал и ждал, когда та начнет оголяться, и наконец дождался.

Лариса скинула белую рубашку и осталась в трусиках. Она резко крутанулась на одной ноге, и ее пышные груди приподнялись под действием центробежных сил. Когда девица нагнулась и повернулась к Репе спиной, он увидел ее красивую задницу и болтающиеся груди в узком просвете между ногами. Девица замерла в этой позе и начала плавно, в такт музыке, стягивать с себя трусики. Она виляла бедрами и раскачивалась из стороны в сторону, а когда трусики оказались на уровне коленей, повернулась и встала к нему боком. Быстро скинув с себя остатки одежды, Лариса опустилась на четвереньки и начала ползать перед Альфредом. Ее груди раскачивались, попа ходила ходуном, а прогнутая поясница изгибалась как у дикой пантеры. Наконец девица повернулась к Репе задом, раздвинула ноги и так прогнулась, что тот, оценив эту позу, с шумом втянул ноздрями воздух, затаил дыхание и больше не дышал.

– Поза кошки, – прошептал он.

Лариса выставила напоказ свою обнаженную промежность, и Альфред созерцал в метре от себя ее набухшие, розовые половые губы, выпирающий лобок и темный зев анального отверстия. Репа не заметил волос на лобке, так как тот был тщательно выбрит. Девица в очередной раз вильнула бедрами, ее большие половые губы раскрылись и чмокнули, послав Репутатскому воздушный поцелуй.

Альфред хотел вскочить со своего ложа, подбежать к красавице, обхватить руками ее попу, прильнуть губами к ее промежности и алчно лизать вожаделенную вагину. Он встрепнулся, опустил ногу с кровати и хотел встать, но Лариса закончила танец, грациозно повернулась и вышла в другую комнату. Музыка стихла, и Репа замер в ожидании следующего номера.

Майя для своего выступления выбрала музыку группы «Металлика». Ее танец был быстрым, забойным и азартным. Она выскочила из гостиной как неоседланная лошадь и начала резво двигаться по свободному пространству перед кроватью Репы.

Облачена она была в ковбойскую амуницию: кожаные ремни, на поясе кобура с игрушечным пластмассовым «кольтом» и ковбойская широкополая шляпа на голове. Высокие кожаные сапоги позвякивали шпорами, и их колесики царапали дорогой, недавно уложенный дубовый паркет с электрическим подогревом. Но порчи имущества Репы не заметил. Его взгляд был прикован к пышногрудой белокурой бестии, скачущей перед его носом.

Майя размахивала руками и ногами, выполняя замысловатые па, изгибалась и прогибалась, поворачиваясь к хозяину то лицом, то боком, то задом. Хлопчатобумажная, в красную клетку рубашка была завязана узлом на поясе, а голый живот будоражил воображение мужчины своим аккуратным пупком. Она лихо виляла бедрами, но пока не обнажалась. Наконец этот прекрасный миг настал и она начала снимать португую. Репутатский снова затаил дыхание. Девица расстегнула «молнию» на протертых до дыр, обрезанных по колено джинсах и быстро, в такт музыке, их спустила. Через некоторое время и клетчатая рубашка слетела с нее, как листва с осенних деревьев. Стриптизерша осталась в одних красных, врезающихся в попку трусиках, высоких, по колено, сапогах и широком кожаном поясе с пристегнутой сбоку кобурой. Альфред смотрел на ее грудь великолепной формы, не зная, что она силиконовая, ласкал взглядом ее плотную, с ямочками по бокам попу и выпирающий под тоненькими трусиками лобок. Он в своем воображении представлял Майю в своих крепких объятиях, как возьмется рукой за ее восхитительную грудь, будет гладить ее и от этих прикосновений девица будет млеть и стонать.

Тем временем Майя сбросила трусики и осталась только в поясе, сапогах и широкополой шляпе. Она прогибалась, размахивала ногами, виляла бедрами, имитируя езду на несущемся галопом скакуне. Эти волнообразные движения, напоминающие половой акт, больше всего понравились Репутатскому. Он представил себя лежащим на кровати, а девицу сидящей на нем и бешено насаживающуюся на его длинный и толстый бивень. На самом деле половой орган Альфреда оставлял желать лучшего, так как Репа был сильно обижен матушкой-природой.

Майя легла спиной на пол, имитируя проходящий в бешеном темпе половой акт, а Репутатскому почудилось, что это совокупление с конем. Затем она повернулась задом к мужчине, широко раздвинула ноги и прикрыла обнаженную промежность шляпой. Майя лежала на спине, с поднятыми прямыми ногами и медленно-медленно сдвигала шляпу себе на живот. Альфред до крови прикусил губу, но от этого возбуждение не ослабло. И вот край шляпы обнажил анальное отверстие, затем большие половые губы и, наконец, лобок и живот. Шансонетка размахнулась, метнула шляпу, как ковбой бросает лассо, и попала прямо на то место, где у Репутатского в штанах находился взбухший половой членник. Шляпа накрыла его целиком и краем полы коснулась головки красавца.

«Это намек», – подумал пьяненький Репа и начал вставать с кровати. Он решил прыгнуть на свою ковбойшу, воткнуть в ее восхитительное влагиалище свой неумейный, безудержный, огромный половой член, но девица сдвинула ноги, встала и вышла из спальни. Неудовлетворенный Альфред так и остался лежать на кровати без движений.

Девушки оделись в свою повседневную одежду и пришли в комнату за костюмами. Быстро собрали шмотки, рассовали по небольшим рюкзакам и приготовились получить гоно-рары.

Альфред обещал им по двести долларов, но заплатил по триста, так как ему очень понравилось выступление. Но он рассчитывал на большее, поэтому приблизился к ним, обнял за талии и нежно поцеловал в щечку сначала Майю, а потом и Ларису.

– Я вам обещаю вдвое больше, если вы останетесь у меня для самого главного...

Девушки были неглупые и догадались, что он обещает им по шестьсот долларов за совокупление. Но это не входило в их планы. Поэтому они вежливо отказались, сославшись на дела.

Немного расстроенный Репутатский проводил их до двери, поцеловал на прощание и пошел звонить своей старой безотказной подруге Людмиле, чтобы она срочно приехала и удовлетворила его сполна.

Ждать ему пришлось недолго. Через десять минут вечно радостная Людмила ворвалась в его хоромы. Не разуваясь, с порога, набросилась на него с поцелуями, распахнула халат и начала азартно манипулировать ртом с его маленьким и жалким висячим отростком. Не прекращая занятия, они переместились в спальню и устроились на кровати, на том самом месте, откуда Репа наблюдал стриптиз.

Его подруга была абсолютно неспортивной, полноватой и плоскогрудой дамой преклонного возраста. Ей было, как она говорила, за тридцать, но сколько на самом деле, не знал даже Альфред. Ему самому было сорок, ну а Людмиле, наверное, и того больше. По крайней мере, она так выглядела.

Она моментально, без музыки, танцев и завораживающей своим таинством эротики, обнажилась догола и осталась в одних белых трусиках. Но если бы кто-нибудь из посторонних увидел эти трусики-парашюты, то наверняка прослезился бы.

Репа лежал на кровати, вспоминал недавнее представление обворожительных стриптизерш, а Людмила работала ртом и помогала себе обеими руками. Альфреду нравилось, как она делает минет, но смотреть на это он не мог. Закрыв глаза и представил, как шансонетка Лариса ласкает губами его упругого красавца, целует его, доставляя необычайное удовольствие. Он представил, как ее рот заполняет его величественный, неимоверной величины меч любви и она, задыхаясь, кричит: «Любимый, вынь его скорей, он такой огромный!»

– Любимый, вынь его скорее из трусов, а то он еще мягкий, выскользнул из рук и туда завалился, – услышал Репутатский сквозь свои сладкие фантазии визгливый голос подруги. Он помог ей отыскать в трусах предмет ее ласк, и та продолжила свой священный труд.

Наконец после пятиминутной самоотверженной Людмилиной работы он напрягся и стал размером с мизинец рослого мужика. Люда не стала ждать, пока он опадет, взобралась на Альфреда и насадила на этот миниатюрный трепетный росток.

Что тут началось! Заводная подруга визжала, пищала, кричала, охала, ахала и стонала, с каждым разом все сильнее подпрыгивая на Альфредовом пенисе. Ей казалось, что он протыкает ее насквозь.

Альфред же лежал с отрешенным видом и представлял себе Майю, беснующуюся на его «биг-бене». Грезил ее плотными бедрами, восхитительными округлыми сиськами, узкой талией и прекрасным одухотворенным лицом. Но как только открыл глаза, его взору предстали груди, повисшие как уши спаниеля, покрытый жировыми складками живот, толстые, необъятных размеров бедра, испещренные целлюлитом, и морщинистое, искаженное сладострастной миной лицо.

Его чуть не вырвало, когда он попытался сравнить двух женщин: танцовщицу Майю и свою подругу Людмилу.

«Трахает же их кто-то», – вспоминая стриптизерш, подумал Репутатский.

Он никогда в жизни не имел красивых и одновременно порядочных женщин. А есть ли такие? Ему попадались красивые проститутки, но Альфред в этот день был у них двенадцатый или тридцать восьмой.

Сотрясая жировые отложения на своем теле, Людмила трахала Репу до тех пор, пока он не кончил. Случилось это через две минуты после начала полового акта и через семь минут после того, как она вошла в квартиру.

– Ты был сегодня великолепен, дорогой, – прошептала женщина, – так долго давно не было, и стоял всю. Я успела кончить пять раз.

– Да, я сегодня в форме, – выдохнул Альфред и расслабился.

– Сделать тебе массаж? – ласково спросила Люда и поцеловала его в губы.

– Буду тебе очень благодарен.

– Нет, это я тебе благодарна, – встрепенулась женщина, – ты такой сексуальный.

– Да, я такой, – промямлил Репа и погрузился в дрему. Он наслаждался неумелым массажем и вспоминал развратные танцы шансонеток. Несмотря ни на что, ему было хорошо.

Глава 4

Алексей разрешил Демину вести машину до первого светофора, а потом сам сел за руль. Они благополучно добрались до места и оставили украденный ими джип «Навигатор» на соседней улице.

– Для конспирации, – сказал Леха и обернулся к Кате. – Ты почему от нас не сбежала, когда твой телохранитель тебя повел к машине?

– По кочану, – съязвила та.

– Мы – страшные террористы-вымогатели и за тебя будем требовать выкуп с твоего папаши-богатей. Если он нам не даст сорок тысяч долларов, мы тебя уьем, – серьезно произнес Демин.

– Ха-ха-ха, – засмеялась Катя. – Никакие вы не вымогатели, у вас даже пистолета нет. А что касается денег, то их вам не видать. Он меня не любит, и поэтому вы с него ничего не получите.

Это заявление маленькой девочки произвело большое впечатление на захватчиков.

Ни Алексей, ни Витек убивать никого не собирались, но им позарез нужны были деньги. Они надеялись, что единственная дочь миллионера Репутатского стоит сорок тысяч долларов.

– А если вы с него будете деньги требовать, он на вас мафиозей натравит, и тогда вам крышка – вас точно убьют, – подпустила страху Катя.

– Не убили же нас твои мафиози, – вмешался Алексей. – Это они на асфальте остались лежать.

– Их мало было, а если они все на «митинг» соберутся, то вам хана – замочат. – Катя выражалась как заправский рэкетир. Она читалась современных супербоевиков, где на каждой странице льется кровь, свистят пули и матерятся в равной степени как плохие, так и хорошие дяди. Вот она и решила показать себя образованной, «с понятием» девочкой.

– Посмотрим, кто кого? – храбро произнес Демин и робко взглянул на Коновалова. Если бывалый Леха был спокоен, как медведь в зимней берлоге, то у Витька от страха поджилки затряслись. Он был обычным парнем и отнюдь не суперменом.

Виктору Демину деньги были нужны на операцию для его единственной дочери Светланы. Она лежала в госпитале имени Бурденко, в онкологическом отделении, в палате для неизлечимых больных с диагнозом «рак крови». Ей была необходима срочная операция по пересадке костного мозга, но в России таких еще делать не научились. У нас мало что умеют делать качественно и с умом, разве что воровать.

Главный врач госпиталя договорился с американскими коллегами о проведении такой операции в США, в клинике имени Джоржа Вашингтона в Вашингтоне, но за нее надо было заплатить шестьдесят пять тысяч долларов. Дорог был не только каждый час, но и каждая минута, так как Света тихо умирала. Ее лечащий врач, профессор Шнобельбаум, сказал отцу:

– Как только необходимая сумма будет собрана, вашу дочь перевезут в США и прооперируют.

Чтобы собрать деньги, Витек, не задумываясь, продал свою плохонькую двухкомнатную квартиру и получил за нее двадцать пять тысяч. Он мог бы запросить на пять тысяч больше, но тогда пришлось бы ждать, может, месяц, а может, и год.

Но все равно не хватало сорока тысяч, и Алексей, приютивший Демина, предложил продать и свою однокомнатную квартиру. Но она была в старом доме, в недорогом районе, и за нее никто много не дал бы.

– От силы двадцать тысяч, если продавать срочно, – с кислой миной на сытом, заспанном лице сообщил риэлтор фирмы.

Денег все равно не хватало, и к тому же после операции Алексею, Виктору и Светлане надо было где-то жить. Не на вокзале же ночевать. Вот друзья и решили получить деньги простым, относительно безопасным способом: взять в заложницы дочь миллионера Репутатского и потребовать за нее выкуп – сорок тысяч долларов. В том, что эти деньги у папаши есть, они были уверены на двести процентов.

Витек некогда работал жестянщиком в автосервисе, и к ним часто приезжал Репа чинить разбитую им очередную дорогую иномарку. Он их спяну бил, а Витек крылья выправлял. Репа щедро платил, но болтал лишнего, и по автосервису и даже в соседних домах ходили слухи о его несметных богатствах. Говаривали, что он за ночь проигрывал в казино по сто тысяч долларов.

Витек рассказал о разгульном богаче Лехе, поведал ему о своем плане захвата его дочери и попросил помощи. Коновалов – добрая душа, недолго думая, согласился. Раскрутить на сорок тысяч зажавшегося, погрязшего в роскоши и разврате отпетого мошенника было для бывшего спецназовца делом чести.

Они договорились взять в заложники десятилетнюю Катю Репутатскую, но, естественно, обходиться с ней деликатно и ни в коем случае не обижать. О том, чтобы ее убить, если Репа не выплатит деньги, даже разговора не было. Друзья отпустили бы девочку с миром в любом случае, так как были честными, законопослушными гражданами. Но перипетии судьбы и безжалостная безысходность загнали их в угол. Ради денег или сытой, спокойной жизни они ни за что не решились бы взять в заложники человека. Но обстоятельства, как известно, сильнее нас, и они не оставили друзьям другого выхода. Иначе Светлана бы умерла. И вот теперь они втроем сидели в джипе и готовились выходить.

– А вы по двору в масках пойдете? – ехидно спросила Катя. Она почему-то не боялась террористов, несмотря на их грозный вид. Чувствовала, что в душе они добрые, мирные люди. Дети людей чувствуют лучше, чем взрослые.

– Мы маски снимем, а то я в ней уже запарился, – произнес Коновалов и начал стягивать чулок.

– Да, очень в ней жарко, – вторил ему Демин. Он снял маску, взял ее обеими руками, скрутил в жгут и выжал воду, как из полотенца после стирки.

– Ой! Какой вы лысый, – удивилась Катя. – Вы что, голову бритвой бреете?

Виктор застеснялся, а Леха пояснил:

– У него с детства волос нет.

Все трое вылезли из внедорожника и поплелись в квартиру Алексея. Катя с интересом разглядывала мужчин, ведь она их видела без масок впервые.

Как Лехе, так и Витьку было далеко за тридцать, но выглядели они молодо. Если Коновалов был накачанный, тренированный и походил скорее на треугольник на ножках, то Демин был обычным парнем, как все. Он выделялся из толпы своей лоснящейся, безволосой головой, но на этом различия кончались. Если у Коновалова лицо было мужественное, волевое, он был молчалив, сдержан и часто казался угрюмым, то Витек был веселым, озорным и беззаботным. Он иногда шутил, острил и веселил друзей, но это у него получалось не так хорошо, как раньше. Его безмерное жизнелюбие ушло без следа, когда он девять лет назад похоронил жену. Она умерла от рака крови. Теперь эта страшная болезнь передалась с генами его десятилетней дочери и ей необходима была операция. К счастью, у нее был шанс на выздоровление, но из-за нехватки денег он казался эфемерным.

Горе-террористы оставили машину на улице и даже не включили в ней сигнализацию. Когда пришли в квартиру, то первым делом сели обедать. От нервного стресса они сильно проголодались и поэтому решили подкрепиться. К тому же надо было угостить заложницу, чтобы она не посчитала захватчиков невежливыми.

– Иди вымой руки, – сказал Алексей и показал Кате, где находится совмещенная с туалетом ванная комната.

Девочка с улыбкой посмотрела на Коновалова и беспрекословно подчинилась. Если бы ее отец Репа сказал ей такое, чего никогда не было, то она бы фыркнула и сделала все наоборот. Но к здоровенному серьезному дяде-вымогателю она относилась с трепетным уважением.

Катя зашла в санузел, и ее сразу, до глубины души, поразила убогость его убранства. Небольшая, в четыре квадратных метра ванная комната, наверное, уже тридцать лет скучала без ремонта. Пожелтевший кафель в некоторых местах отслаивался от стен, и если в ванной громко чихнуть, то он бы осыпался.

Унитаз был похож на ржавую, потрескавшуюся, перекосившуюся археологическую достопримечательность, сумевшую дотянуть до наших дней аж с каменного века. Ванна выглядела еще хуже. В ней, наверное, никогда не мылись, а только замачивали грязное белье. Вечно капающий кран жалобно свистел и обливался холодными и горячими слезами.

Как только Катя включила свет, то моментально по стенам в разные стороны ринулись здоровенные рыжие тараканы. Они толкались на бегу, подбадривали друг друга бойкими фразочками типа «Не спи – замерзнешь» и шуршали лапками. Девочка подумала, что в доме огромного Коновалова и тараканы огромные.

Надо сказать, что тараканов Катя Репутатская видела первый раз в жизни. В тех квартирах, где она жила, не было не только тараканов, но и мух, комаров и другой живности. Не было и таких, как эта, ванных комнат.

Катя привыкла восседать на белоснежном, обложенном мягкими ковриками импортном унитазе в большом, десять метров площадью туалете с кондиционером, освежителем воздуха и подогревом кафельного пола. Купалась же она не в ванне, а в мини-бассейне с гидромассажем. Позолоченные краны отражали прелестное личико Кати, и в чистой, пропущенной через фильтры воде ей было тепло и спокойно. Катя вспомнила евростиль своего туалета, и ей стало обидно, что она примостилась на краю грязного, дурно пахнущего и громко урчащего чудовища. Унитаз был коричневого цвета то ли от ржавчины, то ли еще от чего. Через некоторое время девочка с облегчением покинула санузел.

– А у вас туалетной бумаги и в помине нет, – с издевкой сказала она, когда вошла в комнату.

Действительно, у Коновалова в туалетной комнате не было ни бумаги, ни мыла, ни зубной пасты, так как не было денег на все это. Им даже на еду не хватало, и они на всем экономили. Все вырученные от продажи квартиры деньги Витя перевел на счет американского госпиталя, а чтобы прокормиться, они с Алексеем потихоньку продали мебель, посуду, книги, телевизор и остальные предметы обихода. Остались только носильные вещи и только то, что никто даже задарма не брал. Ни Алексей, ни Виктор уже полгода нигде не работали и только бегали по инстанциям за получением всяких бюрократических справок о том, что отцу оперируемой девочки можно будет выехать в США, чтобы за ней ухаживать. Естественно, приходилось давать взятки, и на это уходила некоторая часть вырученных от продажи утвари средств. К тому же они покупали для Светланы питательные продукты, например красную икру, чтобы повысить сопротивляемость ее организма. В госпитале кормили из рук вон плохо, и дополнительная еда была ей жизненно необходима.

Когда Катя вошла в гостиную, то ахнула. Комната была абсолютно пустая, без мебели и ковров. Посередине стоял небольшой допотопный столик, а возле него три подлатанных стула. В углу расположился широкий старый раскладной диван, и больше в комнате не было ничего. На окнах даже занавесок не было.

Катя окинула гостиную скептическим взглядом и свистнула:

– Вы что, не могли получше квартиру снять, чем у бомжа за бутылку дешевой водки?

– Это моя квартира, – обиженно произнес Коновалов и отвернулся. Катя сочувственно взглянула на него и замолчала.

– Чем тебе наша хата не нравится? – завелся Витек. – Нормальная комната, нормальная уборная, и кухня нормальная – жить можно.

– Я на кухне еще не была, но догадываюсь, что она не лучше уборной, – парировала Катя и встала к голой обшарпанной стене. – У меня дома в комнате такого размера собачка живет и то жалуется, что места мало. Хотя у нее на стенах ковры, а на полу медвежьих меха.

Алексей после этих слов обиделся окончательно, а Демин решил проучить заносчивую девчонку и пошел в атаку:

– Мы деньги не ворует, как твой папаша, а зарабатываем честным трудом. А честным людям много не платят, так как страна у нас бедная, можно сказать, нищая страна, и все разговоры про ее богатства – чушь. Нету тут никаких богатств, а те, что были, за кордон вывезли. – Витек замолк, надулся и сел за стол.

– Ты тоже садись, – произнес Коновалов и указал девочке на стул.

Кате, как госте, дали самый прочный стул. Она села и с содроганием взглянула на угощение. На старом столе лежала протертая в нескольких местах скатерть, а на ней были разложены всякие вкусности. В некогда разбитой, но склеенной эпоксидной смолой тарелке красовались яблоки, апельсины, мандарины и груши. Они были свежие, только с рынка, издавали приятный, чарующий аромат и удивляли взор своей формой и цветом. Катя даже не поверила, что они настоящие – ковырнула один ногтем, и из образовавшейся ямки брызнул сок. Во втором, большем, не менее старом блюде находились пирожные и абрикотиновый торт. Именно этот торт был самым любимым Катиним лакомством. Она его просто обожала, но вида не подала и продолжила разговор в капризном тоне:

– Что это за дерьмо вы наложили? Я такое не ем.

– Как не ешь, – встрепнулся Витек, – это фрукты с рынка, мы их у черных втридорога купили и все для тебя. Я даже своей дочке ни одного персика не взял. – Он с досадой махнул рукой и обиделся еще больше.

– Ты их можешь не есть, – спокойно произнес Коновалов, – но тогда останешься голодной, так как жратвы больше нет.

– А вы что будете кушать? – спросила Катя.

– Хлеб и чай с сахаром. – Алексей отломил половину от свежей белой буханки и откусил кусок.

– Если не будешь есть, то я их Светлане отнесу, она съест с огромным удовольствием да еще спасибо скажет.

Катя подумала немного, почесала затылок и согласилась. После гулянья она сильно хотела кушать, и при виде яств у нее в желудке заурчало. Первым делом она взяла кусочек торта и запихнула в рот.

– Вот так, кушай, девочка, – кивнул Леха и улыбнулся.

– А чем вы меня завтра будете кормить? – спросила Репутатская. – Тоже фруктами? Я привыкла есть икру черную и красную, осетрину горячего и холодного копчения, семгу, мясо крабов и креветок, балык, сырокопченую колбасу, суджук, бастурму, ветчину, телячью вырезку, куриные грудки, грибы, клубнику и землянику со сливками. – Репутатская, естественно, напридумывала про угощения, так как отец кормил ее исключительно кашами, куриной, спагетти, картофелем и китайскими супами из пакетиков, а о деликатесах и речи не шло. Он их сам ел.

– А запивать это все французским шампанским не любишь? – с ехидной миной добавил Коновалов. – И при этом курить дорогие сигары. – При перечислении всех этих продуктов Леха вдруг вспомнил, что когда-то все это ел в неограниченном количестве. Он служил в разведке, и на тренировочных сборах их кормили именно так. У него засосало под ложечкой, и стало мучительно больно за безвозвратно ушедшие годы.

– Нет, ничего этого завтра не будет, так как тебя здесь не будет. Во всяком случае, мы так планируем, – прожевав, ответил Витек. – Мы сегодня получим выкуп и отправим тебя домой к папе.

– А если он вам денег не даст? Может, их у него просто нет, – ухмыльнулась Катя.

– Как нет? Он миллионер, в казино по сто тысяч проигрывает, а на свою родную дочь у него сорока тысяч не найдется? – Витек занервничал.

– Он мне не родной отец, потому что он меня не любит и я на него не похожа. – Катя обиженно надула губки.

– Ты еще маленькая, а когда вырастешь, то станешь похожа или на него, или на маму, – предположил Витя.

– Или на саму себя, – добавил Алексей.

– На папу я не буду похожа, это точно, а маму я давно не видела и поэтому не помню, как она выглядит.

– А где ж она? – хором спросили друзья.

– Она в психиатрической больнице, ее туда папа отправил, так как она сумасшедшая. Но это он так говорит, а я думаю, что он ее тоже не любит и поэтому запрятал в дом дураков. А я-то знаю, что она нормальная. К папе много тетек ходит, и одна из них, та, что бывает чаще всех, мне по секрету сказала, что у папы есть какая-то страшная тайна и связана она с его миллионками, с моей мамой и со мной.

– А она откуда про тайну знает? – удивился Витек.

– Отец спьяну болтнул лишнего, а Люда услышала и передала мне.

– Чего это она тебе передала? – начал допытываться Витек.

– Людмила хорошая, но несчастная, она папу любит, а он ее нет. Он, кроме себя и денег, никого не любит. Люда хочет, чтобы отец ее взял в жены, а он не берет, вот она и страдает, ко мне льнет, под меня клинья подбивает, думает, что я каким-то образом смогу на отца повлиять. Но я не могу, так как он меня тоже не любит, я тоже несчастная. У меня мама есть, но он ее тоже не любит. – Катя глубоко и горестно вздохнула и откусила от торта еще кусочек.

– Нам позарез нужно получить деньги с твоего отца. – Витек протер свою лысую голову платком. – Позарез, и сегодня.

– Ишь чего захотели, – усмехнулась Катя, – сегодня им деньги подавай. Если бы вы были настоящие бандиты, то он, может быть, вам деньги и отстегнул, а вы горе-террористы, у вас даже пистолетов нет, а про автоматы, рации и иномарки я и не говорю.

– Да она нас в грош не ставит, – обратился к Коновалову раздосадованный Витя. – Я вот сейчас отрежу тебе ухо и pošлю твоему папаше в конверте, вот тогда посмотрим, пришлет он деньги или нет.

Демин был добрым парнем, и не смог бы обидеть не только девочку, но и собаку или кошку. Но для того, чтобы Катя относилась к нему серьезно, с уважением, как к захватчику, он вынул из-под стола большой мясницкий нож и показал его ей.

– Вот отрежу ухо...

– Ха-ха-ха, – рассмеялась девочка. – Вы мне не сможете даже укол сделать. А чтобы ухо отрезать? – И она опять весело рассмеялась.

Обескураженный Демин в отчаянии посмотрел на дожевывающего хлеб Коновалова и жалобно произнес:

– Ну что с ней делать?

Леха проглотил последний кусочек хлеба, запил его сладким чаем и протер рот салфеткой. Хлеб был вкусным и чай тоже, но дело в том, что друзья из-за острой нехватки денег ничем другим не питались. Булка и чай Коновалову в рот не лезли, он на них смотреть не мог. По ночам ему снились поджаренные на углях толстые бараньи ножки, кровяные бифштексы из вырезки и цыплята-гриль в чесночном соусе. Ну и, конечно, шашлык, ароматный, пахнущий

дымом и жареным луком. Но когда он просыпался, то находил на столе буханку опостылевшего, набившего оскомину белого хлеба, стакан чаю и сахар.

– Так почему же ты не веришь, что он тебе ухо отрежет? – серьезно спросил Алексей у Кати.

– Я по глазам вижу, вы добрые люди, а не злые. Я чувствую это.

Обезоруженные друзья переглянулись, а Катя продолжила:

– Недавно мой папаша пришел домой сильно пьяный, вынул из сейфа пистолет, вставил дуло мне в рот и говорит: «Вот сейчас нажму на спусковой крючок, и твои мозги по стенке размажутся». Потом нажал на курок, раздался щелчок, но патронов в стволе не было, и он это знал. Я вздрогнула от испуга, а он захохотал как ненормальный и, шатаясь, пошел в другую комнату. Я всю ночь плакала, а утром он не зашел и даже прощения не попросил. После этого случая я поняла, что он меня не любит, а раз он меня не любит, значит, он не мой отец. Отцы должны любить своих детей, а не поступать с ними вот так, – голос у Кати дрогнул, на глаза навернулись слезы, она встала и отошла к окну.

Обескураженные Алексей и Виктор переглянулись.

– Катенька, ты прости меня за мою выходку, я больше никогда не буду тебя пугать. – Демин отложил нож, подошел к девочке и ласково погладил по голове. – Пойми, мне очень-очень нужны деньги. У меня вот такая же, как ты, десятилетняя дочка, и я ее очень люблю. Но она смертельно больна, и у нее, кроме меня и Алексея, никого больше нет. Только мы можем ей помочь. Ее могут вернуть к жизни, сделав операцию, но она стоит много денег. Нам не хватает на нее тех самых сорока тысяч долларов. – Витек замолк и виновато посмотрел на Катю.

Услышав его слова, Катенька обернулась, посмотрела на Виктора и от удивления открыла рот.

– Я думала, вы хотите себе мебель купить, машину или еще что-нибудь...

– Какую мебель, мы всю мебель только что продали, и квартиру продали, чтобы недостающие деньги собрать. Всего надо шестьдесят пять тысяч, а у нас есть только двадцать пять.

– Не хватает сорока, – молниеносно сосчитала Катя.

– Не хватает сорока, – повторил Демин и понурился.

– Я бы рада вам помочь, но я вам сказала правду – мой отец меня не любит и денег не даст.

– Но можно попробовать, – вмешался Алексей, – можно позвонить ему и попросить деньги.

– Если просто так просить, то он точно не даст. Ему надо пригрозить, – бойко сказала Катя.

– Чем пригрозить? – удивились друзья.

– Как чем, моей смертью, – закончила мысль девочка.

Теперь рты открылись у Коновалова и Демина.

– Катя, мы честные, мирные люди и не хотим никого убивать, – начал Леха. – Жестокая необходимость загнала нас в тупик, в безвыходное положение, и поэтому мы были вынуждены захватить тебя в заложницы. Ты уж нас прости.

– Правильно сделали, что захватили именно меня. Я на вас не обижаюсь, и я вам помогу выбить бабки из моего папаньки. Все равно он их или пропьет, или на противных тетек потратит, или в казино проиграет. – Девочка заговорщически подмигнула друзьям.

Такого поворота событий ни Алексей, ни Виктор не ожидали. Они думали, что с Катей будет тяжело общаться – капризная и заносчивая дочь миллионера, но она оказалась покладистым, умным ребенком и очень душевным человеком, хотя и маленьким.

– Давайте ему позвоним, – сказала Катя и вопросительно взглянула на друзей. – Где у вас телефон?

– Постойте, спешить не надо, – начал Леха, – нам надо подготовить план действий.

Они сели за стол и начали совещание.

Глава 5

Репутатский отдыхал после сексуальных игр, лежа на своей кровати, а обнаженная Людмила выплясывала перед ним замысловатые па. Надо сказать, что танцевать она совсем не умела, но, чтобы убажить любимого мужчину, старалась как могла. Ее многочисленные жировые складки вздрагивали при каждом неловком подскоке, повороте или вращении, а повисшие от возраста груди болтались, как мокрое белье на веревке в ветреную погоду. В ее танце не было ничего эстетического, а даже наоборот... Всегда надо заниматься своим делом, тем, что умеешь делать лучше других. Людмила, видимо, не знала о существовании этой истины и самозабвенно плясала на радость Репе. Она также не знала, что часом ранее две великолепные профессионалки убажали взор ее любимого. Теперь Альфред сравнивал их танцы и посмеивался над своей влюбленной подругой. Те, кого посетила неразделенная любовь, всегда смешны и готовы сделать для предмета своей страсти все, что он попросит, и даже больше, но этим рискуют навеки потерять его уважение.

Репутатский вспоминал грациозные, прекрасные движения шансонеток, красоту их форм, великолепные костюмы и музыку. Людмила же неумело изгалялась под Пугачеву, громко подпевала и имитировала ее движения, хотя петь вовсе не умела, да и на сцене никогда не бывала. Ее, конечно, могли пригласить туда, но только в качестве уборщицы.

Вдруг в дверь позвонили. Людмила прекратила песни и пляски и поспешила одеться, а Альфред повернул к себе монитор, стоявший на тумбочке возле кровати и нажал на кнопку. Когда экран зажегся, он увидел суровые, искаженные дверным глазком лица бандитов. Их большие сливообразные носы заслоняли пол-экрана и создавали впечатление, что в гости пришли не люди, а пеликаны. Но в дверь настойчиво звонили «крутые кулаки». Впереди всех стоял их босс Герман Розовощеков по кличке Тыча.

Увидев его звериный оскал, Альфред вскочил с кровати, схватил красивый, с вышитыми драконами китайский шелковый халат и побежал в прихожую. На ходу он кое-как облачился и крикнул Людмиле:

– Быстрее одевайся, дура, да приготовь самое дорогое шампанское и кофе, «крыша» пожаловала!

Дело в том, что Репутатский каждый месяц платил Тыче по сто тысяч долларов – дань за безопасность. Но за текущий месяц задержал выплату на один день, так как ночью напился в казино, днем спал, а потом встретился с танцовщицами. Вот и забыл про плату.

«Теперь предстоят разборки, – с ужасом думал он, – меня поставят на измену, накинута пятьдесят тысяч долларов штрафа и потребуют выплату дани еще и за месяц вперед. В общем, за несколько часов опоздания я влечу на двести пятьдесят кусков. А куда денешься, придется платить, Тыча пунктуальный и опозданий не терпит».

Репутатский открыл толстенную бронированную дверь, и бандиты ввалились в квартиру.

Как только Фома, Дуб, Газила умчались с места драки на милицейском «Форде», они сразу направились к боссу. Оставили машину в квартале от дома, где тот проживал, прошли пешком и, убедившись, что слежки нет, вошли в подъезд.

Фома долго звонил в дверь, но Тыча не открывал. Они знали, что босс наблюдает за ними в монитор видеофона и не спешит впускать. Они примчались без звонка, так как их мобильные телефоны остались в «Навигаторе».

Наконец многочисленные замки поочередно щелкнули, и металлическая дверь плавно отворилась. На пороге стоял личный телохранитель босса по кличке Шаман. Он был под два метра ростом, крепкого телосложения, с огромными ладонями, толстыми, сардельковидными пальцами и лицом, напоминающим ужасный лик Франкенштейна. Он выглядел страшнее, чем Гриня Дуболомов. Шаманом его прозвали за то, что он вечно нашептывал боссу на ухо. Он из

каждого пустяка делал строжайший секрет и возводил его в ранг чуть ли не государственной тайны. Когда-то он занимался волейболом, но потом бросил тренировки, потолстел, погрузнел, стал похож на двухстворчатый шкаф, но свой коронный нападающий удар сохранил и бил кулаком сверху вниз по головам провинившихся.

Шамана боялись даже Дуб и Газила.

– Что без звонка? – спросил он первым делом.

– Случилось ЧП, – начал Фома, – нам можно войти?

– Прежде чем войти в дом, подумай, как из него выйти, – лукаво обронил охранник-философ и отошел в сторону, освободив проход.

Братки знали, что Шаман мудрый и хитрый, и не зря его Герман выбрал в свои личники. Он был ему предан, как собака, и готов положить за хозяина не только голову, но и другие, не менее важные части тела. Руки, например.

– Что стряслось? – вновь спросил Шаман, когда дверь за бандитами захлопнулась.

– Двое террористов в масках захватили в заложницы дочку Репутатского, – тихо произнес Фома.

– Ну и дела, – покачал головой Шаман, – а ты куда смотрел? – Он перевел свой тяжелый взгляд на Гришу Дуболомова.

– Они напали внезапно, открыли огонь из автоматов с глушителями, а потом увезли Катьку. Я за ними гнался, но не догнал – они уехали на проржавевших «Жигулях».

– Тебя зачем к ней приставили? – начал заводиться Шаман. – Ты должен был ее...

– Ладно, хватит нравоучений, – вмешался Фома. – Ты бы видел, кто ее в заложники захватил.

– Кто?

– Дед Пихто. Он шире тебя вдвое, а главное, тренированный профессионал. Он один, без оружия, нас троих уделал, и я в него даже выстрелить не успел. Он действует хладнокровно, быстро и расчетливо.

– Я никогда не поверю, чтобы один человек мог завалить троих «крутых кулаков», – заартачился телохранитель.

– В следующий раз поедешь с нами и увидишь. Он тебя переломит на две части, как тростинку, – теперь начал заводиться Фома. Голова у него сильно болела, и в животе крутило. По дороге его дважды чуть не вырвало, и теперь он не хотел тратить время на объяснения телохранителю шефа сути происшедшего. – Зови босса, я ему все расскажу.

– И что ты мне хочешь рассказать? – из соседней комнаты послышался недовольный голос Германа. – Что вас троих отколбасил один супермен?

Босс вышел в прихожую и окинул злым взглядом бойцов.

– И это еще не все. Они нам наkostenяли и смылись на нашем новом джипе «Навигаторе».

– Как же вы допустили, что они вас ухайдакали? – спросил босс.

– Я уже сказал, – продолжил Фома. – Один из них очень крутой профессионал – нам не чета.

– Надо было его пристрелить, и дело с концом. Пуля дура, но нам подруга.

– Я хотел это сделать, но даже прицелиться не успел – он меня вырубил.

– Ладно, джип найдем по пеленгу, а вот что с девчонкой делать? Вы уже сообщили Репе о захвате?

– Нет. Мы сначала к тебе – за советом.

– Это хорошо, что сначала ко мне. Он мне уже как три часа дань задолжал, так что будет повод к нему наведаться. Поехали.

Братки уселись в два «Мерседеса SL 600» и помчались на Сретенку. По дороге Фома рассказал, как им пришлось вырубить гаишников, на что Герман только покачал головой:

– Надеюсь, вы их не замочили, а то уголовка начнет розыск и придется опять вас от ментов отмазывать, а это большие деньги.

Тыча оставил Газилу и Дуба в машине, а сам в сопровождении Шамана и Фомы поднялся в квартиру Репы. Позвонили в дверь, и тот незамедлительно открыл.

Герман стоял перед Альфредом как матадор перед быком – сопел и разве что пар из ноздрей не пускал. Для того чтобы смягчить реакцию Репы на известие о захвате дочери, он решил сначала начать разговор о долге.

– Ну что? – с порога начал Тыча. – Я ждать не люблю, ты знаешь.

– Извини, деньги есть, и сегодня я их тебе отдам. Я вчера задержался на работе, сильно устал и поэтому спал больше обычного, – начал оправдываться Репутатский. – Сейчас я возьму ключ от депозитной ячейки, мы поедем в банк, я выну из сейфа деньги и отдам тебе. Мне еще надо до завтра два миллиона в Америку отправить, а то тесть заподозрит неладное и новую партию джипов не пришлет. Я ему обещал деньги за машины еще на прошлой неделе перевести, но не получилось. Дашь мне несколько своих охранников, чтобы лавэ в аэропорт доставить? Ну, в общем, как обычно.

– Вернешь долг, договор остается в силе. – Герман щелкнул пальцами, что означало – гони монету. – Охрану тебе обеспечу. Как обычно.

– В течение часа деньги будут у тебя. – Альфред подошел к письменному столу, достал оттуда шкатулку и извлек из нее большой резной ключ от сейфа. Он вышел из гостиной, прошел в спальню, а оттуда в кладовую. Там отодвинул шкафчик и с улыбкой взглянул на свой большой бронированный сейф. В нем хранились ценные бумаги, деньги, пистолет, банковские пластиковые карточки и ключи от депозитных сейфов в «Инкомбанке».

Репутатский поднес ключ к замку и хотел его вставить в замочную скважину, но тот почему-то не входил. Репа внимательно осмотрел ключ, выполненный в форме стержня, со множеством бороздок по краям, а затем снова попробовал всунуть в паз.

«Что за черт, опять, что ли, Катя перепутала ключ от входной двери с ключом от сейфа?»

Катя однажды, впопыхах, перед уходом на прогулку их поменяла. Альфред целый час не мог оформить одну важную сделку, так как ключа от сейфа у него не было. Он ждал, пока она вернется, а потом, сгоряча, надавал ей оплеух. Катя плакала, клялась, что это произошло случайно, но Альфред все равно ее наказал.

Репа, помня оплошность дочери, ключ от сейфа теперь прятал в шкатулку и запирал в стол. Но наутро он приехал из казино пьяный и, вывалив все содержимое карманов на стол, пошел спать. Похожие по форме, цвету и размеру ключи оказались рядом, и Катя, естественно, их перепутала. Теперь очень важный, очень ценный для Репы ключ от нескрываемого сейфа болтался на шее его дочери.

«Второго ключа от сейфа у меня нет, так что придется ждать, когда она придет с гулянки, – с горечью подумал он. – Вернется, устрой ей крутую взбучку. Она у меня вообще на улицу ходить не будет. Будет дома сидеть и день, и ночь», – так решил он.

Репутатский вошел в гостиную мрачнее тучи.

– Скоро поедем в банк за деньгами, – вяло пробубнил он и приготовился к самому худшему.

– Черт с ними с деньгами, позже отдашь, – вдруг заявил Герман, – я хотел поговорить с тобой вот о чем, – он медленно прошелся по комнате, а Репутатский замер в недоумении.

«Если Тыче не нужны деньги, то зачем он приехал?» – от этих мыслей Альфред испугался еще сильнее. Все знают, что неизвестность пугает.

– Сегодня днем двое террористов захватили в заложницы твою дочь. Они напали на ее телохранителя Григория Дуболомова, и теперь он в больнице. – Герман сгустил краски для того, чтобы не уронить авторитет своего охранного агентства в глазах Репутатского. Не мог же он сказать, что один из захватчиков зверски отколошматил троих его агентов и преспокойно уехал на их же автомашине.

От услышанного у Альфреда челюсть отвисла.

– Что? – не поняв с первого раза, переспросил он.

– А то! – Розовощеков начал злиться. – Дочь твоя в заложницах, готовь выкуп, если хочешь увидеть ее живой и невредимой. Тебе еще не звонили? Так скоро позвонят и объявят условия ее выдачи. А если ты заартачишься, то тебе пришлют ее в чемодане, по частям.

У Репутатского затряслась нижняя челюсть. Он испугался, но не за жизнь и здоровье дочери, а за единственный ключ от несгораемого бронированного сейфа.

Репа представил себе, что если он к завтрашнему утру не привезет два миллиона долларов в аэропорт Шереметьево и не передаст их специально прилетающему из США агенту тестя, то его бизнесу конец. Тесть прикроет фирму, и тогда Альфред станет нищим. Сейф он в такой короткий срок вскрыть не сможет, так как это последнее достижение германской науки и техники и, как обещала фирма-производитель, так просто не вскрывается. Он изготовлен из специального тугоплавкого металла с графитовым покрытием, который даже аргоновая и плазменная горелки не берут. Нужна была специальная лазерная горелка, создающая температуру в двадцать тысяч градусов, а найти ее в столь короткий срок не было никакой возможности.

Роковой случай мог стать причиной банкротства, но этого предприниматель допустить никак не мог. Он любил деньги и роскошь больше всего на свете и не представлял себя нищим.

– Куда же вы смотрели? – вдруг вырвалось у Альфреда.

Герман удивленно вскинул брови, несколько раз моргнул и неожиданно для себя начал оправдываться.

– Ты знаешь, – начал он, – эти террористы очень крутые парни. Наш дебиловидный Дуб не смог им противостоять, и они его чуть не замочили. Нападение ведь было спланировано заранее и произведено внезапно. Они твою дочь увезли в неизвестном направлении, но мы ее уже ищем. Я поднял по тревоге всех свободных от дежурств бойцов, и они рыщут по городу в надежде ее отыскать.

Естественно, бандит врал. Никто Катю не искал и не собирался. Герман решил поступить так: как только террористы потребуют выкуп и Репутатский договорится с ними о встрече, они с братвой устроят засаду и, после передачи Кати, расстреляют захватчиков. Герман никому не прощал оскорблений и всегда жестоко мстил. План был прост и надежен, но вот сработает ли он?

Вдруг раздался телефонный звонок.

– Сними трубку, – рявкнул Герман, – это они.

Альфред дрожащей рукой вынул сотовый телефон и запинаясь произнес:

– Да.

– Это вас беспокоят люди, взявшие в плен вашу дочь, – послышался в трубке суровый бас Коновалова. Он специально бубнил в ладонь, чтобы его голос потом не опознали. Алексей надеялся, что Репутатский не обратится в милицию, а просто отдаст деньги и на этом эпопея закончится. – Мы требуем за нее выкуп в размере ста тысяч долларов. Если деньги не будут переданы нам к сегодняшнему вечеру, то завтра мы пришлем тебе в конверте ее ухо, послезавтра нос, потом глаз и остальные части тела. И так до тех пор, пока мясо не кончится.

– Сто тысяч долларов! – вдруг взвился Репутатский. – Да у меня таких денег и в помине нет. Сначала верните дочь, потом я вам пришлю деньги. – Даже здесь сказала его жадность.

Услышав слова Репы, стоящий рядом Герман схватился руками за голову и чуть не заорал от негодования. Он подскочил к Альфреду, выхватил у него из рук трубку, зажал ее какой-то висевшей на стуле тряпкой, похожей на трусы Людмилы, и зловеще прошептал:

– Ты чего, идиот? Соглашайся на все условия террористов, тyani время и торгуйся. Если они взяли в заложницы именно твою дочь, значит, они располагают о тебе некоторой информацией.

– Какой? – удивился Альфред.

– А такой! Они знают, что у тебя есть сто тысяч долларов в наличке, что они не последнее, и ты их можешь им отдать. Они же не стали захватывать дочь какого-нибудь вонючего палаточника, у которого больше пяти штук в сейфе нет.

– А откуда у них эта инф... – начал базар Репа, но Герман его сильно ткнул трубкой в ребра, отчего тот крикнул и затих.

– Торгуйся с ними, обещай найти деньги и договорись о звонке через час. Мы за это время приготовимся. – Он отдал телефон и облегченно выдохнул.

– Вы знаете, – начал торг Альфред, – у меня таких денег нет. Может быть, мы сойдемся на меньшей сумме. Я готов выплатить двадцать тысяч долларов. – Говоря эти слова, Репа покоился на главаря, и тот одобрительно кивнул.

Германа Розовощекова не трогала личная драма Репутатского и его Катеньки. Он надеялся после разборок раскрутить Альфреда на кругленькую сумму. Если его братва угрожает террористов и доставит дочь отцу живой и невредимой, то выкуп автоматически перейдет к Герману. Также поднимется авторитет «Крутых кулаков» и лично Германа Тычи среди бандитской братвы Москвы. Кстати, Тычей его прозвали за то, что он всем говорил одну фразу: «Ты чего?» Злые языки подметили каверзность этого словосочетания, и кличка накрепко прилепилась к Герману. Он сначала обижался, но вскоре свыкся с ней, хотя и перестал употреблять зловердную фразу.

– Мы согласимся на сумму, не меньшую шестидесяти тысяч долларов, – вновь пробубнил Коновалов.

Он, Витек и Катя договорились запросить для начала сто тысяч, а потом, в процессе торга, снизить выкуп до необходимых сорока. Этот ход придумала Катя. Зная жадность и расчетливость отца, его прижимистость и торгашество, она предложила поиграть с ним в аукцион.

– Ты резко не снижай, – тихо произнес Демин, стоящий рядом с телефонной будкой, откуда друзья звонили Репутатскому.

– Шестидесят это много. Может, двадцать пять? – скривил физиономию Репутатский.

– Нет, пока остановимся на пятидесяти. И точка, – закончил Алексей. – Ищи деньги! – в довершение рывкнул он и повесил трубку. – Правильно я сказал? – спросил он у друзей.

– Нормально, – кивнула девочка и с благоговением взглянула на Коновалова. Он ей нравился все больше и больше. Вдруг ей в голову пришла сумасшедшая мысль, она захотела, чтобы он, а не Альфред Репутатский был ее отцом.

– Может, надо было с него сто тысяч взять? – вдруг высказался Демин. – Могли бы мне квартиру купить, а то после операции где нам со Светланкой жить-то?

– Ты слышал, он не спешит эти-то деньги отдавать, торгуется. Может, у него их нет? – Алексей вопросительно посмотрел на Катю.

– Есть у него деньги, есть, и мы их у него выйдем, – пообещала девочка. – А если вам еще доллары понадобятся, то возьмете меня в заложницы еще раз. Отец как раз к этому времени еще наворует. Может, вы и мне велосипед купите, а то я давно его прошу, а он жадничает, обещает и не выполняет. А я так велосипед хочу, я ведь на нем кататься не умею, и плавать тоже не умею.

– Что же тебя никто плавать не научил? – удивился Коновалов.

– Некому учить, я все одна и одна. Только книжки читаю, в балетную студию хожу и в школу. Большого мне не разрешают. А мамы нет. Она бы меня защитила.

Услышав эти слова, Алексей вдруг пожалел эту маленькую одинокую девочку. В этом мире она была никому не нужна.

Он присел возле нее, погладил по плечу и вдруг, неожиданно для себя, пообещал:

– Куплю я тебе велосипед и плавать научу, даю слово.

– Правда? – с надеждой спросила Катя.

– Чистая правда.

У девочки лицо просияло, но ей до конца не верилось, что огромный широкоплечий и совсем незнакомый дядька сдержит свое слово. Ее, Катю, в жизни очень много раз обманывали, но чаще всего ее отец.

Виктор вскинул брови и удивленно взглянул на друга. Он знал, что если Алексей что-то кому-то пообещает, то обязательно сдержит слово. Но если он не был уверен на сто процентов в том, что выполнит обещание, то его не давал.

– Значит, ты сторговался с ним на пятьдесят тысяч долларов, – ухмыльнулся Герман. – Быстро они планку снизили, не похоже на профессионалов. – Тыча взглянул на Фому, а тот только пожал плечами.

– Дерется он как профессионал, а насчет денег... Может быть, они люди небогатые и таких бабок в глаза не видели – они для них целое состояние. Это нам пятьдесят штук баксов – тьфу, а им они позарез нужны, и они готовы снижать ставку и снижать.

– Возможно, – согласился Герман, – но надо с ними еще поторговаться и выяснить, сколько им на самом деле нужно. Если узнаем приблизительную сумму, то пойдем их мотивацию, и, может быть, подумаемся, для чего им деньги. А если это узнаем, то определим, кто они и как с ними бороться.

– Для чего же еще нужны деньги, как не пить, гулять, снимать баб и кутить? – высказался Репутатский.

– Деньги нужны не только для этого, – зло посмотрел на него Герман. – Я же ведь не пью, не гуляю и по бабам не хожу, так как женат, а вот баксы мне позарез нужны. В них власть и свобода выбора. А денег у меня не меньше, чем у тебя, а даже, я надеюсь, больше. Если бы кто-нибудь мою дочь в заложницы взял, то я бы без промедления выложил любую сумму и Лизонька была бы со мной. Потом, конечно, я этих гадов нашел бы и своими руками на куски порвал. Но тебе, видно, эти вонючие пятьдесят кусков дороже дочери. – Герман с презрением взглянул на Репу. Тот отвел глаза и промолчал. Ему было жалко денег, а о Кате он вообще не думал.

Фома тоже укоризненно взглянул на Альфреда и хотел в знак презрения смачно сплюнуть на дорогой персидский ковер, но сдержался. Не хотел перед босом показывать себя хамом.

– Ладно, ты сиди дома, жди звонка, а мы займемся поиском твоей дочери, – сказал Герман. – Поторгуйся с ними, а разговор запиши вот на этот аппарат. – Бандит передал Репутатскому портативный магнитофон. – Прилепи присоску с микрофоном к трубке и включи запись, а мы потом послушаем. О встрече пока не договаривайся, тяни время, говори, что требуемая сумма есть, но нужно время, чтобы ее собрать.

– Понятно, – догадался Альфред, – сказать, что нашел тридцать тысяч, потом тридцать пять и так дальше.

– Понятливый. – Главарь хлопнул его по плечу и направился в прихожую. Его свита последовала за ним, но первым примчался к двери Альфред. Он услужливо щелкнул многочисленными замками и засовами и, как заправский швейцар, отворил ее.

– Будь здоров, – напутствовал его Розовощеков и удалился.

Репе не сказал бандитам о том, что у Кати находится единственный ключ от его домашнего сейфа, в котором лежат два миллиона долларов и ключи от депозитной ячейки в «Инком-банке». Даже если бы Альфред и захотел заплатить выкуп в пятьдесят тысяч, то не смог бы, так как все наличные деньги он проиграл в казино, истратил на выпивку и стриптизерш.

Да, Репе влип в хреновую историю, но никому об этом не сказал. А кто же сознается, что он круглый дурак?

Тем временем бандиты подошли к своим машинам и закурили.

– Поступим так, – начал босс, – для начала найдем свой джип и обыщем его. Может, они там оставили отпечатки пальцев или кое-какие вещи. Включай пеленг! – скомандовал он, и Фома пошел открывать багажник.

Братки разделились на две группы и поехали в разные части Москвы. Тыча, как всегда, был с телохранителем Шаманом и Фомой, а Дуболомов – с Газилой. Связь держали по мобильникам. Пеленги были включены и издавали мерное попискивание. К тому же на приборах был установлен дальномер и цифры показывали примерное расстояние до объекта.

– Наш «Навигатор» где-то на востоке, – передал по телефону Фома.

– Да, я тоже засек маяк. Сужаем поиск и движемся в направлении Восточного округа, – ответил Тыча.

Через час поисков «крутые кулаки» вырулили на Сиреневый бульвар, недалеко от того места, где Коновалов и Демин оставили джип. Бандитам потребовалось двадцать минут, чтобы обнаружить его в глухих дворах.

Братки припарковали «Мерседесы» в пятидесяти метрах от «Навигатора», вылезли из машин и начали совещание.

– Вернутся они за ним или нет? – спросил Герман.

– Я думаю, не вернутся, – высказался Фома, – но джип пока забирать не надо. Если они живут где-то рядом, то, увидев, что его нет, переполошатся и переменят квартиру. Тогда мы их не найдем. А так у нас есть шанс их выследить и сцапать. Надо определить, откуда был произведен телефонный звонок Репе, и сопоставить информацию. Если они глупы или наивны, то телефонная будка где-то рядом, во дворах.

– А если их нет в радиусе десяти километров? – парировал Герман.

– Тогда они хитрые и опасные.

– Кстати, вы проверили их проржавевший «Запорожец»? – спросил босс.

– «Жигуленок», – поправил его Фома. – Он остался у ментов. Ты помнишь, мы там краснухи пустили, и поэтому туда лучше не лезть. – Бригадир покачал головой и почесал подбородок. Он вспомнил сокрушительный удар амбала, искры из глаз и голубое российское небо в барашках белых кучевых облаков. Почему вспомнил именно небо, а не море или горы, он не знал. – Оставим одного наблюдателя в машине и подождем, может, кто-то из них появится.

– А кого оставим? – спросил Герман.

– Дуба. Он девку проворонил, пусть и парится в тачке. А если еще раз облажается – ты его накажешь.

– Ладно, это будет справедливо, – согласился босс.

Бандиты отправились обедать в дорогой ресторан, а провинившегося Дуболомова высадили неподалеку от джипа. Кинули на улице одного, так как лишней машины не было, а оставлять ему новый «Мерседес» Тыча не собирался.

– Ты чего. Жирно будет, – пробубнил он.

– Мы скоро приедем, а пока потопчись, разомни копыта, – пообещал Фома, сел в иномарку и, подобно вихрю, умчался.

Григорий сел на скамеечку и опасливо посмотрел вверх, не пристроилась ли над ним на ветке очередная ворона-проказница. Но деревьев поблизости не было, столбов и проводов тоже, и Дуболомов успокоился.

До этого он побывал дома, переменял на себе всю одежду вплоть до трусов и не хотел, чтобы на него опять нагадили. И в помойку он тоже попадать не хотел. А кто хочет!

Теперь на нем была белоснежная шелковая рубаша, белые брюки и белые ботинки. Любил Гриня все белое. Кобуру он оставил дома, а «ПМ» протер тряпкой и положил в небольшую барсетку.

Он посмотрел на джип и, не заметив ничего подозрительного, принялся глазеть на проходящих мимо девушек.

Герман, Шаман, Фома и Газила отправились обедать в ресторан «Метрополь». По дороге Герман позвонил метрдотелю и заказал отдельный кабинет. Фома связался с базой и приказал бойцам на двух дешевых «Тойотах» выехать к Дубу и оставить ему одну из машин. Он дал адрес и справился, не было ли заказов на разборки. Убедившись, что все спокойно и происшествий нет, доложил об этом боссу.

За это время Герман позвонил в уголовный розыск своему другу Николаю Жабову и попросил проследить, откуда будет производиться телефонный звонок в квартиру Репутатского.

Полковник Жабов давно работал на банду Германа Тычи и зарабатывал на этом хорошие деньги.

– Ведь надо же как-то кормить семью, – говаривал он.

Николай Степанович передавал боссу информацию о готовящихся арестах его боевиков, докладывал об облавах и наездах ОМОНа и всегда уводил банду от неприятностей. Он помог зарегистрировать охранное агентство и получить лицензии на хранение и ношение оружия. За все это Герман ему хорошо заплатил.

«Крутые кулаки» вошли в ресторан и под торжественные звуки оркестра двинулись по залу. Посетители с испугом и уважением смотрели на них, многие кивали в знак приветствия, а некоторые даже вставали и кланялись.

Тычу здесь знали все – от метрдотеля до последней проститутки. Но не все знали, что ресторан «Метрополь» платил дань именно ему и именно он обеспечивал его безопасность. Тычу и его людей кормили в нем ну если не бесплатно, то по себестоимости – без ресторанной наценки.

Бандиты вальяжно, вразвалочку прошли зал под прицелом испуганных взглядов официантов и посетителей и скрылись за массивной дубовой дверью кабинета, где уже был накрыт стол.

Можно было бы сказать, что он ломится от яств, но он был дубовый, прочный и выдержал бы еще и Фому, и Дуболомова, и Шамана, вместе взятых. Тем не менее еды было море.

Парни расселись по своим местам согласно субординации. Герман сел в центре стола, а справа и слева от него Шаман и Фома. И только после них уселся Газила – дисциплина в рядах «крутых кулаков» была первостепенным делом. Когда Герман говорил, никому не разрешалось его перебивать. Для того чтобы заслужить право слова на совещании, чтобы тебя с уважением выслушали и приняли твоё мнение к сведению, нужно было делом подтвердить свой авторитет. Иначе боец всю жизнь мог прослужить в «быках» – рядовых, малооплачиваемых бойцах, выполняющих черную работу, и быть пушечным мясом на разборках. «Быков» в охранном агентстве было много, и Герман таких с собой в ресторан вообще не брал. И сегодня с ним за столом пировали только авторитетные кореша.

Как только проголодавшийся и измученный головной болью Фома взглянул на пышные угощения, у него сразу засосало под ложечкой.

«Крутые кулаки» по ресторанам ходили редко – было много дел. Но если раз в месяц Тыча собирал их на трапезу, то была она обставлена по высшему разряду.

Буйство блюд поражало разнообразием, изысканностью и напыщенностью сервировки. В центре стола красовался блестящий, из позолоченного серебра поднос с маленьким жаренным молочным поросенком. Он был покрыт розовой хрустящей корочкой и сам просился в рот. На подносе вокруг него были разложены печеные яблоки, груши, картофель и разная зелень. Рядом на серебряном продолговатом блюде возлежал варено-копченый осетр длиной больше метра. Его узкая морда с дырочками ноздрей и полуоткрытым зубастым ртом говорила о том, что он на своем веку заглотнул немало мелкой рыбешки. Его ребристая, в костяных шишках спина, топорщащиеся плавники и большой хвост некогда наводили ужас на обитателей рек. Маленькие пластмассовые глазки поблескивали в лучах ламп, и казалось, что он вот-вот оживет, махнет хвостом, посшибает посуду и спрыгнет со стола. Но сегодня он сам угодил на обед уже в качестве пищи и никуда не денется.

С другой стороны на круглом фарфоровом расписном и позолоченном блюде растопырил свои клешни огромный тихоокеанский краб. Его красный, в зловещных шипах панцирь красовался среди свиты больших королевских креветок, в кустиках петрушки, сельдерея и укропа. Казалось, что он, когтистый, длинноногий, с мощными клешнями, является их покровителем.

Несколько тарелок с курочками-гриль были расставлены по всему столу. Среди них возвышались розетки с красной и черной икрой, грибочками, маринованными огурчиками и помидорами. Про салаты можно и не говорить – их было больше двадцати. Гвоздем программы в форме остроконечной египетской пирамиды возвышался салат «Декаданс», изготовленный по оригинальному рецепту шеф-повара ресторана Лаврентия Бери. Этой кличкой маститого кулинара окрестил сам Герман. Когда первый раз пригласил его к столу, чтобы поблагодарить за отменный ужин, он увидел, что тот как две капли воды похож на небезызвестного Берию. Сначала Германа поразило удивительное сходство: тот же овал лица, тот же нос, глаза и пенсне, и он грешным делом подумал: а не внебрачный ли сын покойного председателя НКВД перед ним. Хотя в принципе такое могло случиться. Мало ли Берия погулял по женщинам. Теперь весь «Метрополь» дразнит повара Лаврентием Павловичем, хотя звали его Эммануил Исаевич Цап.

Бандиты повязали на свои мясистые шеи белые простынки, будто целеустремленные пионеры красные галстуки, и приготовились к поглощению яств. Вино никто из «крутых кулаков» не пил – Герман запрещал, а вот соки, пепси-колу и минеральную воду употребляли в изобилии.

Жидкости разлили по звенящим хрустальным бокалам, подняли их, чокнулись, выпили и только после этого принялись издеваться над пищей. Выражение «издеваться над пищей» в данном случае будет уместным, так как нормальной едой их трапезу назвать было нельзя.

Еда наконец попала в их алчные рты, и захрустели на вставных зубах ароматные угощения. Изголодавшиеся братки рвали и метали харч, запивая его невероятными количествами соков и воды. Все сопели, икали, рыгали, громко сглатывали и отдувались от тяжелого труда.

Через час они, сытые и довольные, тяжело дыша, выкарабкались из-за стола и поплелись к выходу. Герман-Тыча оставил на столе тысячу долларов – плату за обед и на подкашивающихся ногах побрел следом.

То, что увидел официант, когда пришел за деньгами, было для него потрясением. За час «крутые кулаки» съели все, что можно было съесть. Тарелки, подносы и блюда блестели так, будто их вымыли чистящим средством «Ферри» в посудомоечной машине «Бош». В посеребренном блюде горкой валялись обглоданные пороссячи ребра, кости и морда без глаз и пяточка. От осетра остался только спинной плавник, хребет и пара хрящей, а вот от краба только панцирь. Курочки превратились в горки трубчатых костей, тщательно обглоданных и обсосанных. Розетки из-под икры были чисто вылизаны прыткими бандитскими языками –

будто в них ничего и не было. Картофель, буженина, телятина, сырокопченые колбасы разных сортов, несколько видов салатов, рыбные и мясные ассорти и заливные, свежие и соленые грибочки, трепанги, омары, устрицы, кальмары, раки, соусы, пирожные, пять тортов, мороженое с орехами, овощи, фрукты и двадцать литров соков – все это исчезло без следа во вместительных желудках.

– Это не «крутые кулаки», а «крутые животы» какие-то, даже доест нечего, – официант соорудил на лице кислую мину и принялся убирать со стола.

– Ешь – потей, работай – мерзни, – довольно пробубнил Газила, садясь в «Мерседес». Он захлопнул дверцу и сильно, зычно и зловонно пукнул.

– Опять ты глумишься, пердун, – выругался Фома. – И это после вкусного сытного обеда. Да ты своим пердежом весь кайф испортил. Годзилла! – Он выскочил из машины и закрыл дверь. – Нюхай сам свою вонь. Чтоб ты обосрался.

– Ха-ха-ха, – куражился Газила, – ничего, стерпите, дух у меня хоть и крепкий, но не ядовитый. – Он поднатужился и выпустил такую порцию вонь, что сам испугался. Ему показалось, что вместе с газом вылетели и испражнения.

Братки рванулись из «Мерседеса», закрыли двери и отбежали на безопасное расстояние.

– Ну что там у вас? – рявкнул из соседнего автомобиля Герман. – Бомбу с часовым механизмом подложили, что ли?

– Хуже, газовая атака. Этот бздун обожрался и вонь напустил. В машине дышать нечем, – оправдался Фома.

– Вставьте ему затычку в очко, – усмехнулся Тыча. Он знал, что Газила любитель пустить зловонного пару, но в его присутствии он такого себе никогда не позволял. А раз эти его шалости Германа не касались, то и относился он к ним снисходительно: «Пусть ребята забавляются».

Вдруг зазвонил телефон. Герман поднял трубку и услышал голос полковника Жабова.

– Это я, – не называя себя, начал тот.

Герман его сразу узнал и ответил:

– Что у вас?

– Звонок был произведен с аппарата номер тысяча двести девяносто один. Он находится на Щелковском шоссе. Все, – закончил он и положил трубку.

Тыча догадался, что полковник не хочет говорить лишнего по служебному телефону и поэтому быстро свернул беседу.

– Фома, – позвал босс, – достань карту уличных телефонных аппаратов.

Бригадир поморщился, но пошел к машине. Он затаил дыхание, открыл дверцу и, несмотря на страшную вонь, все еще витающую в салоне, полез внутрь. Глаза сразу зашипало, но Фома пересилил себя, вынул из «бардачка» сложенную вчетверо карту Москвы и рванулся на свежий воздух. Пока он лазил, сидящий в машине и вдыхающий свою вонь Газила ехидно смотрел на него – мол, долго ли выдержишь, а потом спросил:

– Хорошо, еще поддать?

– Не надо, и так крепко несет, – выдохнул бригадир.

Он достал не обычную туристскую карту с названиями станций метро и маршрутов пассажирского транспорта, а карту телефонных аппаратов. Ее используют в своей работе ремонтники таксофонов.

– Вот Щелковское шоссе, и вот точками помечены телефонные будки, – начал рассматривать ее Герман.

– Вот этот номер, – ткнул в карту Фома, – это где-то во дворах, недалеко от брошенного джипа.

– Свяжись с Дубом и прикажи ему проверить все окрестные телефоны. Пусть найдет нужный и ждет нас. Мы выезжаем. – Босс сел в машину и захлопнул дверцу.

– Вонь уже провентилировали, – доложил Газила, – можно ехать.

– А этого в багажнике повезем? – зло спросил бригадир.

– Если еще хоть раз пернет, я ему в задницу гранату запихну, вместо затычки. – Фома был настроен решительно. Бандиты уселись в «Мерседесы» и помчались на помощь Дуболомову.

Гриня посидел полчаса на скамейке, потом сходил купил мороженое и мигом его съел. Время тянулось медленно, а террористов все не было и не было.

«Может, они сюда не вернуться», – думал он.

Вдруг зазвонил сотовый телефон, это был Фома.

– Дуб, обойди все телефонные будки в округе и посмотри, нет ли телефона с номером тысяча двести девяноста один. Если найдешь – сразу сообщи, но возле него не околачивайся. С этого аппарата звонили Репе.

– Понял тебя, – ответил Григорий.

Фома уже хотел повесить трубку, но потом решил немного поиздеваться над высокомерным Дуболомовым и продолжил:

– Как там у тебя дела, проголодался?

– Да, очень сильно, – пожаловался тот. – Если так и дальше пойдет, то я похудею, массу потеряю и не смогу на все сто процентов выполнять свою работу...

– ...зевать на службе и упускать захватчиков, – съязвил Фома.

Дуб замолчал и тяжело засопел.

– А мы только что с боссом в кабаке были, в «Метрополе» и прекрасно покушали. Была такая жрачка – все объелись.

– Да, – с завистью промямлил прожорливый Гриня, – а мне ничего не захватили?

Фома решил его больше не доканивать и сообщил:

– Кое-что прихватили, но, сам понимаешь, немного.

– Спасибо, брат, – с радостью выпалил Дуб. – Я вас жду, приезжайте быстрее.

Возле супермаркета Фома остановил машину и сказал:

– Зайду куплю что-нибудь Дубу, а то он там голодный мается. – Он вылез, сходил в магазин и накупил еды и себе, и Грине.

Глава 6

Григорий пошел по подворотням читать номера на телефонных аппаратах и через десять минут нашел тот самый телефон номер тысяча двести девяноста один.

– Я нашел его, – доложил он Фоме.

– Молодец, будет тебе от меня премия в виде торта, – пообещал тот. – Теперь иди к «Навигатору» и жди нас.

– Понял, – ответил Дуб.

Фома тут же перезвонил Герману, ехавшему впереди.

– Дуб нашел будку.

– Отлично.

– Я уже послал двоих на подмогу Дубу, но они, видимо, еще не доехали. Я думаю, людей надо больше, поэтому эти двое не помешают.

– Действуй! – Герман предчувствовал удачный исход операции и поэтому начал заводиться. – Шаман, дави на газ, едем на Щелковское шоссе.

«Мерседесы» увеличили скорость и помчались, невзирая на тревожные огни светофоров.

Фома позвонил на базу и поднял по тревоге группу быстрого реагирования. Пять накачаных, набитых в тренировках по рукопашному бою мордovorотов-«быков» натолкались в два «БМВ», как сельди в бочку, и помчались на дело.

Тем временем Григорий сел на скамейку и осмотрелся. «Навигатор» стоял на противоположной стороне улицы, на прежнем месте, и никто к нему не подходил. Террористов не было, и Гриня погрузился в сладкие мечтания, касающиеся предстоящего угощения.

Вдруг к джипу приблизился высокий широкоплечий мужчина с короткой стрижкой. Он воровато осмотрелся, потом сунул в замок большую г-образную, сплюсненную на конце отмычку, резко крутанул ее, открыл дверцу и залез внутрь. Дуб аж на месте подскочил. У него появился шанс оправдаться перед братвой и захватить в плен одного из террористов.

Гриня выхватил из барсетки пистолет, передернул затвор и кинулся на противоположную сторону улицы.

Он подбежал к внедорожнику, распахнул дверцу и выставил пистолет перед собой.

Сидевший за рулем парень, видя направленный в его сторону ствол, вытаращил глаза, открыл рот и в ужасе поднял руки. Он был обычным автовором, угонщиком иномарок, и к захвату Кати Репутатской никакого отношения не имел. Ему приглянулся одиноко стоящий новенький дорогой «Линкольн Навигатор», и он решил его украсть. Он несколько раз прошел мимо, а потом приблизился, сильно толкнул в колесо – проверил, сработает ли сигнализация. Но она бездействовала.

И вот он решил оприходовать бесхозный автомобиль.

Дуб нажал на спусковой крючок, раздался выстрел, и пуля со свистом пронеслась мимо носа вора, ударила в лобовое стекло, пробила его и вылетела наружу. Попад в бетонную стену дома, пуля сплюснулась, упала в траву и при этом придавила небольшую букашку.

Двигатель машины уже работал, и угонщик мог ехать, однако неожиданная заминка отвлекла его. Но выстрел вывел его из оцепенения, и первый шок прошел. Он не собирался просто так отдавать ценную добычу и поэтому автоматически нажал на газ. Педаль влипла в пол, мотор надсадно заревел, джип вздрогнул, задние колеса с бешеной скоростью и визгом заскользили по асфальту, и задок пошел юзом.

Дуб выстрелил второй раз и опять промахнулся. Пуля от ricoшетила от стойки, улетела в салон и застряла в динамике одной из колонок. «Навигатор» рванулся с места, но шустрый Дуб успел схватиться за рукоятку открытой дверцы. Ноги Грини оторвались от асфальта, тело

приняло горизонтальное положение, устремилось за автомобилем и повисло у борта как пионерский флаг на ветру.

Джип за считанные секунды набрал неимоверную скорость и не ехал, а летел по Щелковскому шоссе. Дверца то открывалась, то закрывалась, но Дуболомов крепко в нее вцепился и не отпускал. Если бы он разжал сведенные судорогой пальцы, то оторвался бы при скорости сто пятьдесят километров в час, покатился бы по асфальту и наверняка разбился бы насмерть. Или, на крайний случай, покалечился бы. Гриня знал это и поэтому держался из последних сил.

Угонщик искоса поглядывал на него, но скорости не снижал, стараясь маневрировать среди немногочисленных машин. Была суббота, и горожане с радостью оставили свои протопленные жарой и солнцем московские квартиры и устремились за город – на дачи.

Машин было мало – какой дурак ездит по городу в такую жару. Но те, кому все-таки пришлось по воле обстоятельств париться на дороге, с ужасом наблюдали за мчащимся джипом и болтающимся на его двери мясистым парнем во всем белом. Некоторые всерьез подумали, что дверью прищемило врача.

А Гриня рычал и матерился, стонал и кричал, но жить ему хотелось как никогда, и он стойко переносил опасные невзгоды. Висел-висел и наконец изловчился, подтянул ногу и поставил ее на порожек водительской двери. Почувствовав под собой опору, он отпустил одну руку и с размаху врезал кулаком по лицу угонщика. Автовор был парнем неслабым, тоже занимался в тренажерном зале и поэтому удар выдержал. Он уклонился, мотнул головой, но при этом отпустил педаль газа и сбросил скорость.

Дуболомову только это и надо было. Он еще раз размахнулся и снова саданул водителя кулаком в лицо. На этот раз увесистый, размером с трехлитровую банку кулачище заехал точно в глаз незадачливому воришке. Перед глазами засверкали желтые искры, голова закружилась, он потерял сознание и рухнул на соседнее сиденье. Джип остался без управления и несясь по инерции, не снижая скорости. Гриня влез в салон, поставил ногу сорок восьмого размера на тормоз и плавно надавил на педаль. Внедорожник умерил свой лихой бег и через несколько секунд встал как вкопанный.

Гриня с облегчением выдохнул, сбросил ноги угонщика с водительского сиденья и сам плюхнулся в него. Не успел он отдышаться, как вор что-то промышчал и стал приходить в себя. Дуб еще раз занес над ним свой пудовый кулачок и безжалостно опустил на голову. Послышался глухой стук, кости черепа хрустнули, и вор впал в глубочайший нокаут.

Гриня безмерно обрадовался тому, что наконец-то завалил одного из террористов. Он же не знал, что намного более широкий Алексей Коновалов преспокойно сидел в своей квартире и мирно беседовал с Катей Репутатской.

– Это Дуб, – вышел на связь Гриня, – я захватил одного из захватчиков, того, что похож на гардероб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.